

Калмыцкий государственный университет

На правах рукописи

КАЛЫЕВ Александр Лиджиевич

**Основы стилистики калмыцкого языка
(система стилистических средств и функциональные стили)**

Специальность 10.02.16 - Монгольские языки

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук
в форме научного доклада**

Элиста
1996

Калмыцкий государственный университет

На правах рукописи

КАЛЛЯЕВ Александр Лиджиевич

**Основы стилистики калмыцкого языка
(система стилистических средств и функциональные стили)**

Специальность 10.02.16 - Монгольские языки

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук
в форме научного доклада**

Элиста
1996

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук А.А. Дарбеева

доктор филологических наук С.И. Чарков

доктор филологических наук Л.Д. Шагдаров

Ведущее учреждение: Калмыцкий институт общественных наук

Защита состоится "23 апреля" 1996 г. в _____ час. на заседании
разового диссертационного совета ДР 002.17.98 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте
языкознания РАН по адресу: 103009, Москва, Б.Кисловский пер., 1/12.

С диссертацией в виде научного доклада можно ознакомиться в библиотеке
Института языкознания РАН.

Диссертация в виде научного доклада разослана "16 марта" 1996 г.

Ученый секретарь разового
диссертационного совета ДР 002.17.98
кандидат филологических наук

З.В.Шеврина

Доклад представляет собой обобщение исследований автора в области стилистики и связанного с ним широкого круга проблем, составляющих сущность этой науки и ее специфику в калмыцком языке.

В работе суммируются представления автора о стилистике калмыцкого языка, инвентаре его образовательных средств, ресурсах и функциональных разновидностях калмыцкого литературного языка по публикациям, осуществленным в период с 1965 по 1995 гг. (Список опубликованных трудов прилагается в конце доклада).

Актуальность предпринятого автором труда обусловлена исключительной важностью углубленного исследования стилистики калмыцкого языка. Исследование стилей языка имеет несомненный практический и теоретико-лингвистический, литературоведческий, а также более широкий, социальный интерес. Стилистика призвана обобщить процесс речетворчества в художественной литературе периодической печати и переводческой практике, в бытовом общении, способствовать наиболее эффективному использованию речевых средств, поднятию речевой и общей культуры широкого круга населения. Особенно важное значение имеет выявление и описание стилистических норм, исследование функциональных стилей калмыцкого литературного языка, обслуживающего различные сферы общественной жизни Калмыкии.

"Стилистика калмыцкого языка" как обязательная учебная дисциплина ведется в Калмыцком университете и в общеобразовательных школах республики с 1970-х годов. Однако по сей день отсутствуют полноценные, стабильные учебники и учебные пособия, отвечающие требованиям, а также теоретические работы по стилистике. Этим определяется актуальность расширения и углубления исследований по стилистике.

Значимость таких исследований определяется научными и практически необходимыми не только данной дисциплины, но и других разделов языкознания, таких как фонетика, грамматика, лексика, а также текстология. Неслучайно, В.В.Виноградов автор ряда фундаментальных исследований по стилистике, в свое время подчеркнул, что стилистика является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры.

Поэтому задача досконального изучения стилистической специфики как конкретных частей речи, так и стилистических функций их грамматических форм является весьма актуальной.

Основной целью работы является изложение в развернутом виде стилистических особенностей лексики, ресурсов стилистики и функциональных стилей калмыцкого языка.

Прежде чем приступить к непосредственному осуществлению этого замысла нам необходимо было четко уяснить, опираясь на большую литературу по стилистике, в чем заключается различие непосредственно грамматики и грамматической стилистики, установить критерии для определения стилистических функций лексики, морфологических форм, выражающих конкретную грамматическую категорию конкретной части речи с учетом специфики калмыцкого языка.

Для реализации поставленной цели требовалось решить следующие задачи:

- выявить стилистические пласты лексики;
- установить стилистическую специфику имен существительных, в частности, значения некоторых суффиксов, придающих имени оттенки эмоционального и образного плана;
- выяснить синтаксико - стилистические особенности падежных окончаний их вариантов, определить их стилистические функции, определить условия употребления или не употребления окончаний множественного числа;
- определить стилистические функции прилагательного, способы и формы выражения превосходной и сравнительной степеней, стилистические функции и дифференциации их синонимов и удвоения прилагательного в стилистических целях;
- выявить стилистические функции и дифференциации разных разрядов имен числительных их синонимов, формантов;
- выяснить связующие функции, синтаксические значения и стилистические возможности деепричастий, стилистическую роль повторов и замен;
- охарактеризовать стилистические ресурсы словообразования и морфологии;
- описать функциональные стили калмыцкого литературного языка.

Научная новизна положений и выводов, сформулированных в работе, заключается в следующем:

- впервые в калмыковедении основные грамматические категории частей речи калмыцкого языка рассматриваются в соотношении "форма-значение-функция" и выявляются их стилистические функции и дифференциация;

- уточняются и конкретизируются различия предмета исследования грамматики и грамматической стилистики;

- выдвигается и обосновывается положение о принадлежности исследования по грамматической стилистике к речевому уровню;

- описываются семантико-синтаксические и стилистические функции грамматических форм имен существительных, прилагательных и числительных, а также глагольных категорий;

- выявляются синонимы основных грамматических категорий и их стилистическая дифференцированность;

- в научный оборот введены новые материалы, которые вскрывают особенности стилистики калмыцкого языка и которые не только уточняют, но и в ряде случаев дополняют, а иногда и опровергают ранее высказанные утверждения о значении и употреблении отдельных грамматических форм.

Практическая значимость проведенного исследования состоит прежде всего в создании теоретической базы для дальнейших исследований в области стилистики калмыцкого языка. Кроме того, полученные данные могут быть использованы при создании курса стилистики калмыцкого языка в практике преподавания этой дисциплины, а также работниками средств массовой информации, журналистами, так как в ней рассмотрены вопросы оптимального выбора языковых средств в зависимости от целей сообщения. Материалы и выводы исследования могут представить интерес не только для калмыковедов, но и для широкого круга монголоведов, занимающихся проблемами стилистики, истории языка и сравнительно-исторических исследований.

На факультете калмыцкой филологии и культуры Калмыцкого госуниверситета автор настоящей работы ведет в течении ряда лет спецкурс по стилистике калмыцкого языка. На основе спецкурса подготовлено и опубликовано учебное пособие "по стилистике и развитию речи "Кел эргжүллһ-нэ дегтр" (Элиста, 1994.- 231 с.)

Апробация основных положений работы состоялась при обсуждении монографий "Имя прилагательное в калмыцком языке", "Стилистика калмыцкого языка" на заседаниях Сектора тюрко-монгольских языков Института языкознания СССР.

Отдельные вопросы по проблемам частей речи, а также по стилистике калмыцкого языка обсуждались на Всесоюзных и Всероссийских конференциях и получили отражение в опубликованных тезисах и научных статьях, список которых прилагается.

Концепции автора по проблеме частей речи нашли практическое приме-

нение при составлении научных и нормативных грамматик, в частности, при написании грамматики калмыцкого языка.

Вводная часть

В истории развития калмыцкого литературного языка мы отмечаем три этапа. Первый этап развития калмыцкого литературного языка охватывает период времени с I3 по I7 век, когда ойрат-монголы, предки современных калмыков, пользовались общемонгольской письменностью.

В I648 году ойратский ученый-просветитель Намкай Джалпан Зая-пандита (I599-I662), выходец из племени хошут и рода шангас, создает на базе старомонгольской свою особую ойратскую письменность. Второй этап развития калмыцкого литературного языка охватывает период времени с I648 по I9I7 год. Третий этап развития калмыцкого литературного языка связан со строительством социализма в нашей стране.

Жизнь предъявила большие требования к письменности, которая должна была ее обслуживать. Старая калмыцкая письменность, с ее ограниченными возможностями (неусовершенствованный алфавит, трудность усвоения графики и другие) не могла удовлетворить возросшие потребности в ней. Поэтому старая графика письма в I924 году была заменена новым, более легким и усовершенствованным алфавитом на графической основе кириллицы. Так было положено начало нового советского периода в развитии калмыцкого литературного языка.

Калмыцкий литературный язык получил свое дальнейшее развитие как в устной, так и в письменной форме. Происходило обогащение словообразующих средств, совершенствование грамматических форм, стилистически оборотов, что делало калмыцкий язык более стройным, богатым и гибким способом выражать сложные человеческие мысли.

Благодаря многочисленным исследованиям и конференциям прояснились многие общие вопросы стилистики, достигнуты определенные результаты в исследовании стилистических систем конкретных языков, особенно русского языка, но спорных и нерешенных вопросов продолжает оставаться еще много.

Что касается калмыцкого языкознания, то в нем имеются лишь отдельные статьи Ц.-Д.Номинханова, У.У.Очирова, Б.Б.Бадмаева, Д.А.Павлова Э.Ч.Бардаева, посвященные языку и стилю публицистики, художественной литературы и стилистическому расслоению лексики. (Э.Ч.Бардаев, I985).

При стилистической интерпретации фактов и явлений калмыцкого языка

ор опирался на грамматические и лексикологические труды монголоведов Г.Д.Санжеева, Т.А.Бертагаева, А.А.Дарбеевой, Л.Д.Шагдарова, Г.Ц.Бубеева, Д.А.Сусеевой, Довчингийн Отгонсурэна и других.

Функционально-стилевая концепция, утверждающая экстралингвистическую, социальную основу расслоения литературного языка дана в работе Л.Шагдарова "Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка". Впервые в моголистике было разработано обоснование данной концепции с определением набора основных экстралингвистических факторов и выполнено научное описание функциональных стилей бурятского языка. (Л.Д.Шагдаров, 1979).

Развитая система стилей возникает лишь при условии существенного расширения общественных функций языка и сравнительно длительного функционирования литературного языка в разных сферах общественной жизни, и условия систематического издания разной по жанрам литературы.

Глава I. Стилистическая характеристика лексики калмыцкого языка.

Лексика современного калмыцкого языка, отразившая многовековую историю развития калмыцкого языка, достаточно богата и стилистически дифференцирована.

Во многих работах по стилистике весь словарный состав обычно подразделяется на стилистически нейтральные и на стилистически дифференцированные слова, ограниченные в своем употреблении.

Под нейтральными, или общеупотребительными словами, подразумевают обычные, широко распространенные названия предметов, качеств, действий, которые используются во всех стилях речи.

Однако калмыцкий языковой материал показывает, что в нем нет такой группы общеупотребительных слов, которая одинаково полно использовалась бы во всех стилях речи. И это не случайно. Функциональные стили обслуживают и обслуживают разные общественные явления (художественную литературу, общественно-производственную сферу, науку, бытовую жизнь людей), и в силу этого каждый стиль обладает своим кругом наиболее употребительных слов. Если в разных стилях и используются одни и те же слова, то они обычно отличаются по значению: в разных стилях реализуются различные значения многозначного слова, или же от стиля к стилю изменяется степень абстрагированности одного и того же значения слова.

Лингвистическое понятие "стиль" включает в себе совокупность содержавшихся в языке средств и приемов, необходимых для выражения

тех или иных идей.

В лексикологии под этим словом имеют в виду особенности возможностей, которые придают речи определенную окраску.

Весь словарный состав калмыцкого языка можно разделить на различные стилистические пласты, каждый из которых отличается своим лексическим и синтаксическим своеобразием и в сфере употребления занимает определенное место. Так, например, слово идх "есть, кушать" является общеупотребительным, оно без тени эмоции повествует о действии; то же значение содержит слово хурдх "жрать", но оно стилистически окрашено - в нем заключен очень грубый смысл, говорящий в данном случае о том, что человек неуравновешен (очень возмущен или чем-то сильно взволнован); несколько похожи на него слова конгх и зальгх но в них проявление грубого оттенка выражено немного мягче. Эти примеры говорят о том, что лексика калмыцкого языка стилистически неоднородна, а распадается на несколько разновидностей.

В то же время сказанное не означает, что все стили речи находятся в изолированном друг от друга виде: в определенных случаях, например, элементы разговорно-бытовой лексики могут войти в стиль официально деловой, в публицистический стиль могут проникнуть слова из образительно-художественной речи. Разнообразием стиля особенно отличается язык художественной литературы. Однако слова из любого стиля речи, попадая в иную стилистическую среду, не утрачивают своей индивидуальной окраски, свою принадлежность к тому или иному стилистическому разряду.

В "Калмыцко-русском словаре" стилистически окрашенные слова отмечены специальными пометами: книжн. (книжное слово), разг. (говорное), фольк. (фольклорное), лит. (литературное) и т.д. Стилистически окрашенные слова в своем употреблении заметно ограничены, и жели слова нейтрального стиля. Такие слова в словаре не имеют стилистических помет. Это слова нейтрального стиля, составляющие в языке основу как устной, так и письменной речи и употребляющиеся в самых различных сферах общения.

Нейтральная лексика. Это слова главным образом основного словарного фонда, данные в прямом значении. Употребление и понимание однородно, т.е. не связано ни с какими субъективными сторонами отношения к ним носителей языка: ухан "мысль", байр "радость", ут "длин

эхх "красивый", хэлэх "смотреть", кэлх "работать", деер "наверху", ода "внизу".

Слова, относящиеся к данному разряду, употребляются в любом (устном письменном) виде речи и обслуживают в одинаковой мере все стили языка. Поэтому их легко можно обнаружить среди слов различных лексических пластов.

Межстилевой пласт языка составляет преобладающую часть общенародной лексики. Это самые простые, всеми принятые устойчивые слова, живущие в языке на протяжении веков и обычно относящиеся к различным частям речи и грамматическим категориям. Исключения могут составить лишь лексемы слова, т.к. они не употребляются в некоторых жанрах, например, в научных статьях, в официальных документах и т.д. Нейтральные слова в стилевой системе современного калмыцкого языка не приносят высказывание какую бы то ни было эмоциональную окраску.

Другие пласты составляют слова, выражающие чувства людей, их оценку явлений объективной действительности, т.е. эмоционально окрашенные, относящиеся к высокому или низкому стилю, сравните слова идх "есть" (в нейтральном стиле), зоолх (в высоком стиле), хулдх "жрать" (в низком), элх (в книжном стиле с оттенком фамильярности), кочлх (в разговорно-бытовом), бульбулх (в литературном), употребленные в одном и том же значении. Другой пример: аак, баав, аав. Эти слова имеют одно значение "отец", но их стилистическая окраска различна: первое слово-эмоционально нейтрально, второе-тяготеет к бытовому стилю, третье-в какой-то мере архаично. То же самое можно сказать и о словах эк, аак, ээж "мать".

Стилистически окрашенная лексика в свою очередь распадается на: 1) лексику устной речи; 2) книжную лексику.

Лексика устной речи. Она в своем составе неоднородна. По степени литературности лексика этой разновидности ниже нейтральной. В зависимости от этого, а также от степени стилистической окрашенности, лексику устной речи следует делить на две группы: 1) разговорно-бытовую и 2) просторечную.

Разговорно-бытовая лексика. Стиль бытового обихода относится к одной из самых ранних форм общения. Возможно, в силу этого и по степени своей чрезмерной обыденности этот стиль долгое время не находил свое место в ряду других стилей языка. Очень справедливы слова, сказанные в "защиту" разговорно-бытовой лексики: "Если функциональные стили определяются отбором и комбинированием различных языковых элемен-

тов в зависимости от сферы деятельности и от назначения речи, то не следует из общей системы исключать стиль бытового общения, обслуживающий наиболее продуктивную область человеческой коммуникации—сферу бытовых общений. Эта сфера является самой древней и "вечной" (Азимов Е. Ашхабад, 1968, с. 78.)

К бытовой лексике относится обыденная речь между людьми в неинициальной обстановке: в семье, на работе и т.д. Она придает речи оттенок неофициальности. При этом слова этой группы чаще всего встречаются в бытовом диалоге, свойственном устной речи, например, говорят хутан вместо цугтан "все", шинткх вместо шинрулх "обновить", болнухн вместо болна от болх "быть", коркадх вместо караглх "высокомерничать". Нередки случаи употребления слов и словосочетаний, к которым трудно найти литературное соответствие, например: нохадьг от ноха идг "да с"ест собака", ср. ну его к бесу, пропади пропадом: узг мааньг од от маань уга од "сгинь, исчезни", здесь маани — молитва, молитвенная форма ср. маани умшхар, мал хэрүд (посл.) "чем читать молитву, лучше пасти скот"; гесэн пиллж авад унтхмв "набьем животы и уснем", пиллж звуком др. от пилд гих "шлепаться" (о чем-то полном); пилжих "выглядеть очень толстым, жирным"; пишхэх "быть сильно надутым, полным", пиш хэһрад ивэ "разразиться отрывистым смехом"; дөннэ, варианты денэ, денк(э) "глух на несуразного человека говорят: дентэ (донта) юм болвэгоч? Не гд ли ты? Здесь слово дентэ, вероятно, от корня де-, до- (откуда и двн "четыре", денн "четырёхгодовалый скот"), дентэ "четырёхлетний" (о детях); шорданк вместо шор дам болон чигэн "кумыс чересчур кислый" (шор "острый, кислый"), вторая часть слова -данк образована от -дан "кратко, несколько раз" и аффикса -к; сэсвг перен. "ни к чему не способный человек", букв. "мясо очень низкой категории", по всей вероятности, образное слово от корня сэ-, се-; пэгх "врать, болтать", предст. является также образным словом по действию пламени большого огня, ср. пэргх "разразиться пламени", бэрг авад пэргүлх "поймать и отлупить ялдр "осанистый", искаженное от палдр. Разговорная лексика, с точки зрения ее принадлежности к той или иной части речи, как видно из примеров, весьма разнообразна.

Очень часто употребляются в разговорной речи местоимения, неоделенные числительные, наречия, например: намд вместо нанд "мне", нам вместо нанла "со мной", намта вместо нанта "со мной", намас вместо нанас "с меня", манд вместо маидд "нам", түдүкн вместо төдүкн, үдүкн вместо эдүкн "всего лишь столько", түдү вместо төдү "сколько", хүһа

место цупарн "все", ха вместо хама "где", хаараң вместо хамараң "куда".

Диалектизмы также относятся к группе разговорно-бытовой лексики: орг. уутхн вместо дерб. уутъхн "узкий", соответственно: уудвр вместо удьвр "грусть", деегар вместо деегур "поверху", көвүс вместо көвүд "ребята", куукс вместо куукд "девочки", уньдг вместо уньдгд "свисающий", эрб. хомха вместо торг. хумха "бесцветный, обליнявший", ховци вместо увци "одежда", торг. сакүсч вместо дерб. сакүсн "талисман", хэн вместо ань "попутчик".

Чрезвычайно выразительны по интонации частицы и междометия. Потому их эмоциональная окраска сильно влияет на слова, стоящие рядом с ними, даже на предложения в целом: иргд-би таруг яндгиж "пусть только придет - что только я с ним ни сделаю" (частица -л придает усиленное значение); йовад чигн од "можешь даже согнуться"; дөө, яһсн хурц елмб "да, какой острый язык"; бур-бур хурта, сер-сер салкыта (фольк.) с дождем крапающим, с ветерком освежающим".

Слова разговорно-бытовой лексики употребляются в художественной литературе и реже в публицистике. В учебниках, деловых бумагах использование разговорной речи не допускается.

Просторечная лексика. Она близка к разговорно-бытовой лексике, но ниже по стилю. Это такие слова и выражения, которые лишь частично вошли в литературную норму современного калмыцкого языка, но несмотря на это, широко употребляются в произведениях калмыцких писателей. Грамматически просторечная лексика также представлена различными частями речи, например: көгшн зүгдг "старый пройдоха", отсюда: зүгдг-зүгдг гих или зүгдгнх "суетливо ходить с жалким видом", эцкиннь ад кех билч нанд "ни черта ты мне не сделаешь", элкәлдх "властвовать", мөөрсүлх "орать", перен. от мөөрсүлх "резать горло", элкәң яруд, элмр "потеряй самое дорогое, негодай", ярвадх "браниться", жаавадх "кокетничать", һолядх "беситься с жиру". Такие слова весьма емки, эмоционально-экспрессивны, что в свою очередь позволяет очень выразительно показать пренебрежительное отношение человека к какому-либо отрицательному явлению. Они чаще всего бывают, имена прилагательные и существительные, например: ольбһр урлта "толстогубый", озһр амн "рот до ушей", камчһр амн "косоротый", ләкх "избивать", жалкәлдх "ломать язык, искажать произношение" (кокетничать), сәпндг "растяпа", һордаһ "быть тонким, вытянутым" (о худом, высоком человеке), һолиһ "быть очень толстым", жүһнда "суетливый" (о худом и проворном человеке), альчаһ "стать растопылив ноги", һипидүлх или һипәдүлх "лупить".

В определенных контекстах, употребляясь в переносном смысле, просторечными могут быть и вполне литературные слова и выражения. Например: "Сохр кишго доск, Нудэн нухкад хэлэ" - гиж кельв. "Слепой ненавистный негодник. Протри глаза и посмотри," - сказал он. "Кишго алмс, эмд бирмд, гиж эцкнь керлдед, Колтриг бэрж авац гувдв. "Несчастное чудовище, настоящий сатана" - так бранясь отец поймал Колтруга и начал лупить. "Ярар чил..." - болад, Буува залуларн керлдв. "Оспа бы тебя забрала"; - ругалась Бува со своим мужем (ср. русск. "холера бы тебя забрала"). Эцкэньн гү-зэнд орцхатн - болад, Дорж керлдв. "Сгинь все прочь", - выражаясь так, Дорджи затеял скандал.

В отнесении слова к той или иной стилистической группе важную роль играет и его значение. В связи с этим полисемичное слово в одном из своих значений может относиться к одному стилистическому пласту, а в другом - к иному. Так слово адусн в обычном значении "скотина" относится к собственной разговорной лексике, а в переносном значении "грубый, подлый" принадлежит просторечной или грубой лексике.

В калмыцком языке имеются разряды и группы слов, которые более подвержены возникновению в них переносных значений. Эти группы слов выражают общие тенденции в развитии синонимических и образно-эмоциональных средств калмыцкого языка.

Книжная лексика. Это слова, характерные для письменного языка, стилистически закреплённые именно за данной формой речи. Этим книжная лексика противопоставлена разговорно-бытовой. Основной сферой употребления книжной лексики является строго нормированная литературная речь стили художественной литературы, публицистики, научных трудов, официально-деловых документов.

Особое место в книжной лексике занимают сугубо книжные слова, например, такие как алдр "великий", мөнк "вечный", манлх "восходить", манхах "величественно восседать", нал "широкий", мотр "рука, десница" миам "мягкость, эластичность", каар "гнев" и т.д. Сюда же относится большое количество отвлеченной лексики.

В книжную лексику включаются все неологизмы и устаревшие слова. Первые из них в силу своей новизны, а вторые по причине архаичности, больше всего находят употребление на страницах художественной и специальной литературы.

К книжной лексике полностью относится научная терминология, т.к. она по своей специфичности употребительна лишь в узком кругу лиц:

гоолгч нерн (линг.) "имя числительное", эсв (матем.) "задача", шулке (биол.) "ящур", тив (геогр.) "часть света" и т. д.

Здесь необходимо отметить, что степень книжности слов, входящих в ту или иную лексику, для каждой разновидности письменной речи неодинакова. Для языка научных трудов характерны более книжные слова, чем для языка художественной или публицистической литературы, например, язык художественной литературы стилистически довольно пестр. В него могут входить и нейтральные слова, и слова устной речи, а также слова высокого и низкого стиля. Поэтому в системе книжной лексики слова художественной литературы, в частности прозы, составляют особый разряд.

Во многих работах по стилистике весь словарный состав обычно подразделяется на стилистически нейтральные, или общеупотребительные слова, и на стилистически дифференцированные слова, ограниченные в своем употреблении.

Однако калмыцкий языковой материал показывает, что в нем нет такой группы общеупотребительных слов, которая одинаково полно использовалась бы во всех стилях речи. И это, по-видимому, не случайно. Функциональные стили отражают и обслуживают разные общественные явления (художественную литературу, общественно-производственную сферу, науку, делопроизводство, бытовую жизнь людей), и в силу этого каждый стиль обладает своим кругом наиболее употребительных слов. Если в разных стилях и используются одни и те же слова, то они обычно отличаются по значению: в разных стилях реализуются различные значения многозначного слова, или же от стиля к стилю изменяется степень абстрагированности одного и того же значения слова.

Обычно к общеупотребительным словам относят такие слова, как: рука, голова, дом, скот, дерево, лошадь, день, весна: веселый, смелый, чистый, красный; идти, ехать, писать, сидеть, кашлять и т. д. Не трудно заметить, что в эту группу включаются слова, относящиеся, главным образом, к характеристике человека и окружающих его в повседневной жизни предметов. Это те слова, которые раньше относили к основному словарному фонду. Но эти слова являются наиболее употребительными и обычными лишь для разговорного и художественного стилей. Они могут изредка употребляться в некоторых жанрах публицистического стиля (фельетон, очерк, зарисовка), но в политических статьях в научных трудах они находят ограниченное употребление, а в некоторых жанрах и вовсе не употребляются.

Слов, которые в одном неизменном значении употреблялись бы во все стилях речи, немного. Причем, совпадая по значению, от стиля к стилю они отличаются по частоте употребления, по своей лексической и стилистической сочетаемости.

Наряду с делением всей лексики на стилистически нейтральные, общепотребительные и стилистически дифференцированные, ограниченно употребительные слова, эту вторую группу подразделяют далее на литературно-книжные и разговорно-бытовые слова.

Дифференциация слов на книжные (мордух - мобилизовать, кучах - исполнять, тегсах - заканчивать) и разговорные (бурмха - быть очень болтливым, сокныг - коротыш и др.) действительно существуют. Но лишь некоторую часть слов народного языка можно противопоставить таким образом. Большинство же слов используется и в книжно-письменной, и в устно-разговорной речи.

Лексико-семантические и лексико-стилистические подсистемы образовались в течение сравнительно короткого периода времени, чем обясняется пестрота элементов, входящих в эти подсистемы.

Слова, группирующиеся в подсистемы, получают специфическую семантическую окраску в результате постоянного употребления в одном и том же стиле.

В каждой лексико-стилистической подсистеме различаются и нейтральные и стилистически окрашенные слова и выражения.

Лексико-стилистическая подсистема художественно-поэтического слова. Все те источники, которые участвовали в формировании современного литературного калмыцкого языка, явились также базой для становления лексики художественного стиля. Писатели и поэты широко используют лексико-фразеологические богатства разговорного языка, сокровищницу устного народного творчества, старописьменные слова, русские заимствования и слова из калмыцких говоров.

Следует отметить, что эти источники по разному представлены в языке художественной литературы в разные периоды развития языка, литературн, в различных жанрах и у разных авторов.

В художественно-поэтической лексико-стилистической подсистеме стилистически нейтральными словами являются прежде всего те слова в своих прямых значениях, которые принято относить к основному фонду лексики. Эти слова лишены эмоционально-экспрессивной окраски и по сравнению со своими синонимическими коррелятами имеют более широкое употребление: кууки (ср. нойхи) - девушка, дочь; эвги (ср. кэгше, аав) - де.

едушка; гүүлдх (ср. туух) - пустить коня вскачь; саах (ср. шавхх) - доить.

Нейтральные слова художественного стиля совпадают с нейтральным пластом лексики разговорного стиля. Эти слова представляют собой издавна бытующие в языке общеизвестные слова и наименования предметов, явлений, качеств, обстоятельств, действий и состояний: гэр (дом), мэрн (лошадь), эдр (день), хату (твердый), жээлн (мягкий), шулун (быстрый, быстро), үүх (бежать), суух (сидеть), келх (говорить), унтх (спать) и другие. Эти слова, лишенные эмоционально-экспрессивной окраски, известны носителям языка с раннего детства и используемые ими наиболее часто, отличаются ростотой и естественностью.

На фоне стилистически нейтральных слов в художественном стиле выделяются стилистически дифференцированные слова. Стилистически маркированные слова и выражения данной подсистемы можно подразделить на нижние и разговорные слова, которые в свою очередь состоят из более робных групп.

Книжные слова состоят из следующих разрядов: 1) книжные слова характеризующиеся отсутствием эмоционально-экспрессивной окраски, 2) неологизмы и кальки, 3) специальные термины и заимствованные слова, 4) книжные слова приподнятой эмоциональной окраски, 5) архаизмы и историзмы.

В составе разговорно-отмеченных слов выделяются: 1) простонародные, 2) неодобительно-грубоватые, 3) фамильярно-ласкательные, 4) фамильярно-грубоватые, 5) просторечные, 6) ругательные, грубые, вульгарные слова и выражения.

К книжным словам, лишенным эмоционально-экспрессивной характеристики, относятся слова старокалмыцкого происхождения, например: төгсх (нейтр. илх) - завершиться, закх (нейтр. даадх) - поручать, азах (нейтр. ачх) - грузить, эвд (нейтр. йдр) - очень, весьма, эвдх (нейтр. хамхлх) - ломать, разрушать, гтх (нейтр. тосх) - встречать.

В калмыцком литературном языке имеется немало слов, происхождение которых связано с разными восточными языками - тюркскими, арабским, тибетским, маньчжурским и др. Некоторая часть таких заимствованных слов давно ассимилирована калмыцким языком и не воспринимается как иноязычная: чиг (сырость, осадки), тамн (большая игла), хув (часть) - из тюркских языков; мангнх (паять), шелн (бульон), шлн (стекло) - из маньчжурского и китайского языков; В стилистическом отношении эти слова входят в нейтральный пласт исконной лексики.

Слова, заимствованные из восточных языков, в калмыцком языке являю-

тся книжными словами с возвышенной эмоциональной окраской. К ним относятся, например: чиндмани (волшебная драгоценность), агль (уединенное место), билг (мудрость, разум), альмн (яблоко), амрг (любимый), замб тив (мир, вселенная), болр (хрусталь), дуң (раковина), шинж (признак, примета), эрднь (драгоценность), толь (отблеск, сияние) и другие.

Многие заимствования не имеют возвышенной окраски, а являются просто разрядом книжных слов: девтр (тетрадь), шикр (сахар), цувг (канавка), белг (глава), ла (свеча), боть (том), намтр (биография), жор (рецепт), лит (календарь) и другие.

Целый пласт слов в лексике калмыцкого языка относится к заимствованиям из тибетского языка. Это главным образом религиозно-буддийская лексика — названия санов, ламских ученых степеней, религиозных обрядов предметов в буддийских монастырях.

В исторических художественных произведениях в своих прямых значениях используются специальные синонимы к обычным словам, когда речь идет о высокопоставленных лицах: зог (трапеца), нейтр. хот, идэн (пища, кушанье); эрге (резиденция) разг. бээрн, патър (квартира), неэрсх (почивать) нейтр. унгх (спать); шалткх (недомогать) нейтр. гемх (болеть); залрх (прибывать) нейтр. ирх (приехать) и другие.

Лексико-стилистическая подсистема общественно-политических слов.

В этом крупном разряде лексики калмыцкого литературного языка основное место занимает социальная или общественно-политическая лексика. Она охватывает все области повседневной жизни общества: внутреннюю и международную общественно-политическую жизнь, сельско-хозяйственное производство, промышленность, транспорт, культуру, и искусство, медицину и спорт, торговлю, связь, военное дело и т. д. Эта лексика наиболее употребительная в общественно-публицистическом стиле, составляет нейтральный пласт данного стиля. Она создает лексический фон, особый общественно-публицистический колорит, который дифференцирует этот стиль от стилей художественной и учебно-научной литературы. Если сопоставить отрывки из художественного и публицистического текста, то они будут иметь заметные различия в языке: если первый отрывок будет выдержан в традиционном плане, то второй будет представлять по существу новый язык.

Основными источниками формирования общественно-публицистической лексико-стилистической подсистемы явились калмыцкий разговорный, русский и старописьменный монгольский языки. При этом для разных жанров

публицистики комбинация элементов, взятых из разных источников, бывает различной. Так в собственно-публицистической литературе основное место занимает общественно-публицистическая лексика, а в очерках и фельетонах довольно широко представлены слова и выражения разговорного языка, изобразительно-выразительные средства художественного стиля.

Основным источником, за счет которого шло формирование лексики публицистического стиля, были эмоционально-нейтральные общенародные калмыцкие слова. При этом общеупотребительная лексика использовалась по-разному. Выделяются следующие наиболее продуктивные способы использования калмыцких слов для выражения новых понятий: 1) образование новых слов посредством различных аффиксов; 2) переосмысление старых калмыцких слов (сторону расширения или сужения их значений); 3) калькирование русских словосочетаний; 4) обозначение нового понятия или нового оттенка в значениях слов путем спаривания слов; 5) обозначение нового понятия путем сочетания слов.

Наиболее активные словообразующие суффиксы:

-лһн: бэрлһн (стройка, строительство), эмлһн (лечение), ачлһн (погрузка), халлһн (жатва), хайлһн (пахота);

-лт: эслт (расцвет), омглт (гордость), санлт (воспоминание), хоцрлт (отставание);

-ан (эн) : шалтан (причина), ноолдан (сражение), дөрлдэн (состязание, соревнование), бэрэн (задержание);

-ч: саальч (доярка), лавкч (продавец), кирһэч (стригаль), урч (мастер), үкрч (скотник), адуч (табунщик);

-ц: заац (указание), даац (грузоподъемность), тулкц (толчок), бэрц (захват);

-чуд: улачуд (красные), цаһачуд (белые), баһчуд (молодежь), сээчуд (начальство);

-льг: махльг (склонный к полноте, полный), ухарльг (способный), баатрльг (сильный);

-мр: хатхмр (вышивка), зурмр (нарисованный), гурмр (плетеный), урһмр (растущий), урмр (портящийся);

-м: көрчм (отрезок), зүсм (кусок), эврм (любопытный);

-мл: хатмл (сухошавый), будмл (крашеный), сергмл (свежий), хавчмл (узкий);

-ха, хэ: хамхрха (сломанный), шуурха (рванный), буурха (дырявый), цоррха (пробитый), эвдрхэ (испорченный), кентрхэ (обломленный, отколотый);

-н: кешун (упругий), хуучн (старый), нашун (горький), шурун (жестки бутн (целый)). (К-Ю, стр. 40-44)

Следует отметить, в публицистическом стиле максимально используются внутренние возможности самого калмыцкого языка. Возникло очень много слов, составляющих отвлеченные имена. Множество слов переосмыслено. Кроме того, в этом стиле употребляется большое количество заимствованных слов, главным образом имен существительных.

К настоящему времени общественно-публицистический стиль калмыцкого языка укомплектован необходимым количеством слов.

В калмыцком литературном языке сформировалась также учебно-педагогическая лексико-стилистическая подсистема.

Учебно-педагогический стиль обслуживает потребности средней школы. В языке учебников по калмыцкому языку используются специальные термины, логические определения. Основную форму изложения в данном стиле представляют рассуждения, доказательства и определения. В специальных терминах преобладают предметно-логические значения. Слова характеризуются ограниченностью сферы употребления. Например, термины: нерлгч (подлежащее), келгч (сказуемое), таарлт (согласование) — употребляются только в языковедческих работах. Мысль в учебниках направлена на общие родовые свойства явлений и поэтому требует для своего оформления абстрактных слов. Изложение тяготеет к безличности, в нем мало слов с эмоциональной окраской. В них также мало слов с дифференцированной стилистической окраской. В то же время встречается много заимствованных слов.

Разговорная лексико-стилистическая подсистема. В разговорном стиле употребляется большее количество диалектных слов, чем в книжных стилях, ибо разговорный стиль не связан чрезмерно строгими нормами. Лексика разговорного стиля в наши дни все более стабилизируется и начинает приобретать общенародный, общенациональный характер. Сокращению лексических расхождений между калмыцкими говорами способствуют следующие явления:

1. В настоящее время целые пласты слов, связанные с религией, со старым бытом и укладом жизни активно переходят в современную речь, становятся активным запасом словаря и часто употребляются. Назовем некоторые из них:

а) религиозная терминология — буддийская: бу (талисман), курд (молитвенный барабан), сакусн (ангел), тарн (молитва), таралц (рай), сумсн

па), даян (созерцание), там (ад), бурхн-шажн (религия), шутх (верить), гү (молиться), эдслх (освящаться), зальврх (произносить молитву), х (очищать);

б) названия, связанные с обрядами, обычаями и празднованиями: эркдн (сватать невесту), күүк шинждн (осмотр невесты), мөр урлдалн (ачки), кемэлдн (состязание в красноречии), белг бэрлн (гадание);

в) названия различных кушаний, напитков, блюд, домашней утвари: боор (лепешки, прожаренные в масле), булмг (саламата), чигэн (кумыс, айран), рмг (кушанье из арцы и молока), чиидмг (напиток из айрана и воды), дл (стул), үкүг (низенький шкаф для хранения продуктов и посуды), (посудная полка);

г) названия старинных видов одежды и обуви, украшений: бөрз (женское туго), дөвд (шуба), үч (тулуп), цегдг (сарафан), майг (юбка), сийг (серь-), бийцг (кольцо), токг (подвеска для волос), буну (браслет);

д) названия старинных видов жилья и их частей: жолм (юрта), харшм (лаш), туурһ, терч, хошдн, хасвч, харач, унь (части юрты);

е) названия старинных орудий труда: шааниг (клин), шаавр (колотуш-), шүүнч (долото), хадур (коса для косьбы камыша), сава (скалка), хусур (удие для очистки кожи от жира и мяса);

Основу нейтрального пласта лексики разговорного стиля составляют

ва и выражения, относящиеся к основному фонду словарного состава: н (снег), усн (вода), кийтн (холод), салькн (ветер), үүлдн (туча), хур (ждь), идх (есть), йовх (идти), авх (брат), адх (спешить);

В разговорном стиле литературного языка в зависимости от конкрет-

условий его реализации выдвигаются на первый план то одни то дру-

лексические пласты. В говорах, которые легли в основу калмыцкого

литературного языка (дербетский и торгутский) почти не употребляются

диалектные слова, но довольно много книжной лексики. Еще в 1936 году

Бертагаев писал: "В лексике хориаских бурят очень много слов лите-

ратурного происхождения: гэшэгүүн (член), арьятан (зверь), изагуур (латное происхождение), угай-бэшэг (хроника, летопись), бумбэрсэг (гло-), нугалаа (загиб-политический термин), хэлбэрил (уклон), эмхи (орга-

ция), хүрэнгэтэн (капиталисты), хубисхал (революция), хамтын ажал (колхоз), габшагай (ударник), түсэб (план), нам (партия), эрхилэгшэ (зав-

ующий), нэриймэ (обидливость), аюул (опасность), агууехэ (огромный), и т. д. Эти слова в большом ходу в обиходном языке колхозников" (Т. А. Тагаев. Улан - Удэ, 1936, с. 9.)

В этот разряд входят слова, характерные для обиходной речи, вне деловых, официальных отношений, обычно в обращении к лицам, с которыми говорящий считает возможным беседовать запросто.

Этим словам свойственна простота, непринужденность, большая или меньшая "вольность", допускаемая при обращении запросто, без строгого соблюдения принятых в публичных выступлениях языковых норм. Отдельные разряды этих слов характеризуются эмоциональной окраской, то положительной, то отрицательной.

В полной мере слова разговорной речи неуместны в строго деловой и научной речи, вообще в речи, не допускающей экспрессии. Попадая в другие виды книжной речи (в художественные произведения, публицистику), они вызывают впечатление простоты, живости, некоторой вольности речи и вносят разнообразные оттенки экспрессии.

Стилистические ресурсы калмыцкого языка

Калмыцкий язык, как и всякий развитой язык с длительной культурной традицией, предоставляет говорящим богатейшие выразительные возможности, в том числе стилистические. Однако овладение этими ресурсами языка требует знаний, развитого лингвистического чутья и навыков употребления языковых единиц.

Стилистические ресурсы современного калмыцкого языка имеются на всех уровнях языковой структуры и обнаруживаются в сложившихся общепринятых приемах употребления языковых стилистических единиц.

Одним из богатейших средств стилистической выразительности речи являются так называемые средства словесной образности, преимущественно лексические (метафоры, метонимии и др.), но также и синтаксические (синтаксические фигуры и другие средства).

Другой важнейший источник стилистических средств - синонимия (прежде всего лексическая, а также грамматическая). Это не случайно, так как с синонимией связана возможность выбора одного из ряда возможных языковых средств, наиболее подходящего в данном контексте. Принцип выбора, избирательность - одна из основ стилистики и один из важнейших ее принципов. Из средств языка, принадлежащих к различным языковым уровням, наиболее стилистически богаты и продуктивны синтаксические и лексические. Морфология обладает меньшими возможностями в этом отношении.

К стилистическим ресурсам лексики относятся помимо переносных ачений и синонимии, специальные стилистические окрашенные в системе языка единицы, в том числе эмоциональная и экспрессивная лексика.

Один из важнейших источников стилистических ресурсов калмыцкого языка составляет фразеология. Фразеологизм, как правило, выразительнее номинативного ему слова или свободного словосочетания. К тому же само наличие параллели "слово - фразеологизм" предоставляет возможности выбора, на который и опирается стилистическое использование языковых средств.

Фонетика имеет меньше возможностей для создания стилистической экспрессии высказывания (тем более если иметь в виду письменную форму общения), однако и она заключает в себе определенные ресурсы в том отношении (особенно при отнесении сюда интонационно-ритмических сторон речи).

Разнообразные средства для выражения стилистических оттенков предоставляет говорящему словообразование (ср. стилистическую роль суффиксов и префиксов, а также явления словообразовательной синонимии).

В области морфологии к стилистическим средствам относятся явления морфологической синонимии и, кроме того, более многочисленные случаи переносного употребления грамматических форм, а также форм определенной функционально-стилистической окраски.

Почти безграничны стилистические возможности языка в области синтаксиса. Синонимика словосочетаний и синтаксических конструкций, вариации порядка слов в предложении, связь тех или иных типов предложения с определенными сферами общения, т.е. некоторая ограниченность их функционирования, создающая функционально-стилевую окрашенность, синтаксико-стилистические фигуры и вообще способность языка средствами синтаксиса выражать малейшие изменения мысли и оттенков содержания - таков далеко не полный перечень стилистических средств синтаксиса. Известно, что индивидуальные особенности стиля речи прежде всего проявляются в синтаксисе.

Если сопоставлять стилистические ресурсы разных уровней языка, то следует отметить, что именно синтаксис и лексика представляют собой основную базу стилистики. Стиль речи создается средствами языка всех уровней, находящимися в отношениях взаимозависимости и в систем-

ных связях в конкретном высказывании и в исторически сложившихся традиционных сферах общения, реализуемых отдельными актами говорения.

Для того, чтобы речь отвечала основным стилистическим требованиям, чтобы она была выразительна, точна, стилистически мотивирована, а используемые в ней средства были бы наиболее целесообразными для выражения данного содержания и уместными в данном контексте, говорящий должен овладеть стилистическими ресурсами языка, знать его стилистические нормы.

Изобразительные и выразительные средства языка. К изобразительным средствам языка относятся те средства, которые ассоциативно связаны с зрительными, слуховыми, вкусовыми, обонятельными и осязательными ощущениями. А выразительные средства языка с пятью чувствами конкретно не связаны и способствуют лишь усилению общего впечатления, большей резкости общего восприятия.

Самыми распространенными изобразительными средствами являются так называемые тропы, а выразительными — стилистические фигуры.

Хотя тропы и бытуют в общенародном языке (так называемые стершиеся метафоры и эпитеты, различные тропы в фольклоре, уже потерявшие свежесть и силу впечатляемости), хотя тропами в той или иной мере пользуется каждый, тем не менее вариационные и комбинационные возможности их, т.е. возможности создавать новые и новые сочетания, практически безграничны. Можно создавать тропы для любого случая, по любому поводу. Здесь полный простор индивидуальному языковому творчеству. Вот почему писатели так охотно прибегают к тропам.

А стилистические фигуры в этом смысле гораздо однообразнее, в них значительно меньше возможностей для индивидуального творчества, да и само творчество здесь никогда не достигает такой сложности, блеска и силы, как в тропах.

То обстоятельство, что тропы связаны с чувственным восприятием, вдобавок еще эмоционально окрашенным, позволяет считать основным тропом или во всяком случае основой тропов — сравнение.

"Простейшим, первичным видом тропа является сравнение, т.е. сближение двух явлений с целью пояснения одного другим при помощи его вторичных признаков". (Л.И. Тимофеев. 1934, с.69-70).

Тропы - явления лексико-семантические, это разные случаи употребления слова в переносном значении. Однако, как известно, не всякое переносное значение является для современного языкового сознания образным.

Например, под метафорой понимают слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства.

Стилистическим средством словесной образности являются метафоры широкого употребления с заранее готовой образностью (ясно ощущается говорящими их образность).

Метафора, как и другие средства словесной образности, имеет неодинаковую функциональную активность в разных сферах общения. Как известно, основная область применения образных средств - художественная литература. Другой сферой довольно активного их употребления является публицистика, поскольку она призвана воздействовать не только на ум, но и на чувства читателей, а присущая ей пропагандистско-агитационная функция реализуется наиболее эффективно в условиях экспрессивной речи. Однако увлечение образными средствами, перенасыщение ими текста - явление нежелательное. Все зависит от конкретных условий коммуникации, прежде всего от темы, идеи, направленности, общей стилиевой атмосферы текста, что в целом обусловлено единством формы и содержания.

Менее, чем указанным сферам, метафора свойственна научной речи. Это естественно, так как ученый оперирует понятиями и поэтому использует прямые номинативные значения слов, стремясь к точности, терминированности, однозначности выражения.

Когда речь идет об образных средствах, прежде всего имеются в виду случаи новой, оригинальной метафоризации, создающей яркие образы. Именно свежесть, новизна метафоры является одним из главных ее признаков как образного средства, характерного прежде всего для поэтической речи. Например: цаһан хаалһ "счастливым путем", алтн жода (добрая дорога), цаһан мөнгн үүлн (серебристо-белая туча) төмр зүрхн (холодное сердце), суд амн (болтливый человек), хату һарта (жадный, скупой), Жөөлн зүрхтэ (мягкосердечный), цаһан сана-та (добрая душа), хар саната (коварный человек), кунд һарта (тяжелорукий), хату цаг (тяжелое время), халун мөнд (пламенный привет), сээхн жирһл (счастливая жизнь), цэцн булг (родник мудрости), харһну байн (скупой богач), хоосн амн (пустослов).

Калмыцкий язык является в целом довольно конкретным, образным языком, так как внутренняя форма многих слов в нем ощущается весьма отчетливо. Кроме таких исконно образных слов, в этом языке имеется большое количество слов с переносным значением, возникшем на основе конкретных, прямых значений.

Следует различать переносные значения слов, имеющиеся в структуре языка, и переносные значения, создаваемые в речевой практике. Так, в калмыцком языке основой для метафорического и метонимического переноса значений могут служить:

сходство формы, внешнего вида предметов: амн - 1) рот, часть: амаң арчх (втирать рот), 2) жерло: товян амн (жерло пушки), 3) һолын амн устье реки (под арабской цифрой один приводится прямое значение слова с примерами, а под остальными цифрами - переносные значения);

связь между орудием и продуктом, произведенным при помощи данного орудия: амн - 1) рот, 2) устный, словесный: амн үг (устная речь, букв. рот - слово); шүдсн - 1) слюни, 2) зависть: шүдсән залыгх (завидовать, глотать слюни); санан - 1) мысль, 2) мечта: хоосн санан (грезн, букв. пустая мысль);

связь между внешним видом, действием и скрывающимися за ними душевным состоянием, мыслью, целью: амаң тамшах - 1) причмокивать, смаковать, 2) зариться на что-либо; амнд орх - попасть кому-либо в рот, в пасть; попасть в беду, в опасность: зонн амнас һарад, барсин амнд орх (попасть из одной беды в другую, букв. уйдя из пасти волка, попасть в пасть барса); амнь татх - натягивать удила; усмирить, обуздать.

Те или иные черты характера, психические состояния и другие абстрактные явления передаются через посредство слов, в прямом значении обозначающих внешний вид человека, разные явления материального мира.

Например, надменность, спесь, кичливость, чванство, амбиция, зазнайство, гонор связываются с откинутым назад несгибающимся корпусом, с откинутой головой, с выпяченной грудью, с понятиями "большой", "наверху", "высоко":

гадах - 1) принимать внушительный вид, 2) важничать, гаһр - надменный, важный;

гедәх - 1) выпячивать грудь, откидывать назад корпус: гедәһәд йовх (идти откинув корпус назад), 2) ломаться, пыжиться: гедһр -

1) с выпяченной грудью, 2) с горделивой походкой, с высокомерным видом, напыщенный;

будун - 1) толстый: будун модн (толстое дерево), 2) солидный, важный, будурх - чваниться, важничать;

тужих - 1) быть полным, дородным, 2) иметь важный вид, тужир - 1) полный, дородный, 2) важный, с важным видом;

деерлхг - высокомерный, гордый, заносчивый (ср. деер - вверху, высоко), деерлх - держать себя высокомерно, быть заносчивым, зазнаваться, бийэн деегур бэрх - держать себя высокомерно, деегур саната - стремящийся к высокому положению;

Легкомыслие, ветренность, верхоглядство ассоциируются с понятиями - легкий на вес, ненадежный, пустой:

геңгн - 1) легкий: геңгн эсв - легкая задача, 2) легкомысленный геңгн йовдл (легкомысленный поступок);

нааһур - 1) по этой стороне, на этой стороне, 2) слегка, по-верхности: нааһур тоолх (недостаточно обдумать);

салькн - 1) ветер, 2) ветренный, легкомысленный: хорма доран салькн орулад йовх (вести себя легкомысленно, букв. впустить ветер под подол), салькн тавг (легкомысленный, пустой человек, букв. ветер пятка).

Сердиться, кипятиться, выходить из себя, рвать и метать - эти понятия передаются словами и выражениями, производными от имен цухл (гнев, ярость) и ур (гнев, злоба). Эти понятия ассоциируются с кипением, бурлением, резкими быстрыми движениями:

буслх - 1) кипеть, бурлить; 2) горячиться, злиться: хорнь буслх (злиться, букв. кипеть его яду), ууран һарһх (выметать злобу на ком-либо, букв. выпускать свой гнев).

Угодливость, подобострастие, подхалимство связываются с понятиями чего-то липкого; с понятиями "гнуться, сгибаться, падать к ногам, ползать":

шарвадх - 1) махать, вилять (хвостом), 2) лебезить, заискивать, шарваддг - 1) виляющий (хвостом), 2) лебезящий;

өрч амарнь орх - заискивать, букв. залезать в душу, в рот);

бөгчих - 1) сгибаться, нагибаться, 2) влечь.

Смелость, мужество, решительность связываются со словом зэрг (воля, смелость), со словом зуркн (сердце):

чолун зурктэ (твердокаменный, досл. с каменным сердцем), зурктэ (отважный, досл. с сердцем), зурк алдх (не иметь силы воли, трусить, букв. сердце уронить).

Названия цветов дают разнообразные переносные значения: шар - 1) желтый, 2) красный, прекрасный: фольк. шар нарн (солнце красное);

цаһан - 1) белый, 2) светлый: цаһан хаалһ (светлая дорога), 3) безобидный человек, добродушный: цаһан седклтэ (безобидный, добродушный человек);

хар - 1) черный 2) постный, без молока: хар цэ (черный без молока чай), 3) простой, простолудин: хар кун (простолудин), хар келн (просторечье, разговорный язык), 4) черный, физический: хар кедлмш (черная работа, физический труд), 5) хар санан (темные мысли), 6) дурной, злой, преступный: хар гер (черная ложь), хар керг (злодеяние, преступление).

В результате развития переносных значений и связанной с ними полисемии значение слова становится более абстрактным, отвлеченным.

Приведенный материал дает основание сделать вывод о том, что наибольшее количество переносных значений связано с обозначением внутренних качеств, свойств, действий и состояний человека. При этом в связи с возникновением новых значений в словах и их сочетаниях обогащается синонимия языка: значительно пополняются существовавшие раньше синонимические ряды и появляются новые.

Перенесение признаков одного явления на другой обуславливает образность второго слова, а в основе которой лежит скрытое сравнение или сопоставление. При этом вновь образующиеся на основе переноса значений слов члены синонимического ряда более эмоциональны, оценочный момент в них выражен более ярко и поэтому они стилистически более выразительны.

Синонимические средства языка как ресурсы стилистики.

Стилистика, выясняя условия точного и выразительного обозначения отдельных понятий в языке, в первую очередь рассматривает синонимы. Синонимами обычно называются слова с близким, но не тождественным значением, например: хөөтк - иргч (грядущее - будущее), жаһрта - орадата (сложный - запутанный), медх - томарх (понимать - прозреть), хэлэх - харх (рассматривать - разглядывать).

Из разнообразных лексических пластов словарного состава языка наибольший интерес для стилистики представляют синонимы. Стилистические различия между разными оборотами и предложениями часто

основаны именно на различии, существующем между синонимичными словами.

Проблема синонимии сложна и недостаточно разработана в лингвистической науке. Нет единообразия и в самом определении синонима. Одни считают синонимами лишь "тождесловы" (например, В.П.Григорьев), для других основным признаком синонимов является тождество сочетаемости (В.А.Звегинцев), третьи расширяют понятие синонима до вариативности, когда "синонимический характер приобретают все языковые средства, могущие выразить отразившийся в мышлении кусочек действительности" (В.Адмони и Т.Сильман). Довольно распространенным является определение синонимов на основе предметности понятийной оотнесенности слов- синонимов, предполагающей близость или тождественность последних при различии у них оттенков значений и стилистических нюансов. Наиболее совершенную формулировку оно получило в трудах А.П. Евгеньевой: синонимы - это "слова близкие или тождественные по значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значений (близкие), либо стилистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками" (Проект словаря синонимов. М., 1964, с.9).

Обычно в синонимах отчетливо выступают смысловые различия. В слове хортн (враг) значение "враждебности" сильнее, чем в слове дээсн (противник, неприятель); в слове дээсн более заметен оттенок "тот, кто занимает противоположную позицию". Глагол харх (охранять) в отличие от глагола манх (караулить, сторожить), обозначающих "наблюдать за сохранностью", включает и оттенок "защитять".

Лексические синонимы бывают смысловые (идеографические) и стилистические. Первые могут рассматриваться как одно из стилистических средств языка. Когда говорят о качествах стиля речи в плане речевой культуры, то учет смысловых различительных свойств синонимов оказывается весьма существенным. Однако центральными ресурсами стилистики в синонимии языка являются стилистические синонимы, которые при большой близости или тождественности значения различаются стилевой окраской и сферой употребления иргч - хеетк (будущий, грядущий), зэңглх - медулх (сообщить - уведомить), нар - мотр (рука - десница), цокх - лакх (бить - дупить). Стилистические различия обычно сопровождаются и некоторыми смысловыми оттенками.

Стилистические окраски слов-синонимов становятся очевидными на фоне нейтрального в стилистическом отношении слова, в качестве

которого выступает обычно доминанта синонимического ряда.

Традиционно различаются синонимы с повышением (приподнятостью) стиля: ори-нутг - тэрски (родина - отчизна), майна - сайна (лоб - чело), келх - зэрлг тэвх (говорить - вещать), нисх - хальх (летать - парить), унх - киисх (падать - изволить падать), и с понижением (прозаичностью): чирэ - хоншар (лицо - рожа), йовх - кедх (ходить - шляться), хулхалх - торих (украсть - стащить, стибрить) шуурха - буурха (рваный - драный).

Нередко одной и той же нейтральной доминанте соответствует одновременно два стилистических ряда: и с повышением стиля, и с понижением:

<u>идх</u> (есть)	<	<u>эдлх</u> (вкушать)
		<u>худрх</u> , <u>зальгх</u> (шамать, лопать)
<u>хэлэх</u> (смотреть)	<	<u>харх</u> (взирать)
		<u>ширтх</u> (глазеть).

Обычно синонимы стилистически "возвышенной" окраски черпаются из фонда книжной лексики с оттенками торжественного, поэтического характера. Сниженный же стилистический ряд формируется из слов разговорно-просторечных, преимущественно с оттенком фамильярности, с экспрессией иронии, неодобрения. Но могут быть и оттенки ласкательности, сочувствия как выражение не только отрицательных, но и положительных оценок.

В целом весь представленный стилистический аспект синонимии можно назвать аспектом экспрессивно-эмоциональных окрасок.

Различия в эмоциональной оценке предметов и явлений, разное отношение к ним говорящего субъекта зависят от взаимоотношений групп, сословий, от других социальных факторов и личных отношений людей между собой. Синонимический ряд, образуемый понятием "лицо женского пола" включает наряду с другими, такие синонимы: аһ - гергн (дама - женщина), баавһа - (баба). Из них женщина - наиболее употребительное, нейтральное слово; "дама" - название женщины из состоятельного круга людей; "баба" - имеет пренебрежительно-уничижительный оттенок. Для избежания грубых, резких, непристойных слов их заменяют смягчающими, эфемистическими выражениями. Например, вместо худл келх (врать), меклх (лгать) говорят суугулх (сочинять).

При соотнесении синонимических рядов с различными сторонами окружающей действительности обнаруживается, что наибольшее коли-

чество синонимов относится к человеку и его многообразной деятельности. Из них синонимы, обозначающие части тела человека, характеризующие людей по возрасту, полу родству относятся к наиболее давним группам синонимов. Как правило, это стилистические а не ифографические синонимы.

Синонимические ряды, обозначающие части тела: толһа - зантг (голова - башка), нур - чирэ (лик - лицо), гесн - гүзэн (живот - брюхо), һар - мотр (рука - десница), тавг - ул (стопа - ступня).

Синонимы, обозначающие родственные отношения, характеризующие людей по возрасту или полу: эцк - баав - паап (отец - папа-бата), эк - аак - эж - маам (мать - матушка - мама), залу - аваль - хань (муж - супруг - спутник), аав - көгшэ (дедушка - старец), эж - самһн (бабушка - старуха).

В калмыцком языке, как видно из примеров, наличествует общепринятое, официальное наименование матери, отца и других родственников, а также их обыденно-разговорное название (эцк - баав, эк - аак и др.). В русском языке эти синонимические ряды распространены за счет ласкательно-фамильярных, шутливо-иронических названий (мамка, маманя; батя; бабука; благоверная, половина моя). Слова "мама" и "папа" наиболее распространенные в качестве обращения детей к родителям или употребляемые при упоминании о них, заимствуются калмыцким языком* все более употребляются в разговорной речи.

Из предметов быта синонимические ряды в калмыцком языке имеют наиболее употребительные и необходимые для жизни. Причем в них большое место занимают парные слова, имеющие обобщенные значения: зөөр - хош-хора - эд - баран (имущество - пожитки - вещи - скарб); идэн - хот-ход - идх юмн - күмсн (продукты - пища - еда - харчи).

Синонимические ряды, обозначающие мысли и чувства человека: ухан - оһн - медл (ум - интеллект - разум); байр - байсхлн - нэр (радость - ликование - праздник); цухд - ур - атылн - килн (гнев - негодование - недовольство - ярость).

Речевые синонимы, как и устойчивые сочетания слов, чаще используются для выражения особо напряженных чувств, переживаний, состояний человека, необычных событий и явлений действительности. Эти единицы опираются на слова и их потенциальные структурно-семантические возможности.

Различия между членами синонимического ряда часто определя-

ются их внутренней формой, их мотивированностью. Слова с переносным значением, устойчивые сочетания слов, сложные, составные слова благодаря своей мотивированности выделяются своей образностью, особой экспрессивностью и смысловыми оттенками.

Таким образом, лексическая синонимия, являясь сферой безграничных возможностей речевого творчества, представляет собой один из центральных объектов стилистики. Синонимы - показатель выразительных возможностей языка. Количество слов того или иного языка во многом определяется синонимическим богатством.

Калмыцкий язык исключительно богат синонимами. Развитие синонимии представляет ярко выраженный процесс совершенствования языка. Наличие обширных групп синонимов для выражения отдельных понятий делает возможным передачу самых разнообразных оттенков значения и экспрессии.

Стилистические ресурсы фразеологии. Калмыцкая фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придает речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Поэтому существующие в ее системе образные выражения свидетельствуют не только о сочности и энергичности современного калмыцкого языка, но и в какой-то мере отражают специфику образного мышления его носителей. Чтобы убедиться в сказанном приведем ряд типичных фразеологизмов калмыцкого языка: ичртэн ишкэ хаах (потерять всякий стыд, быть бессовестным, лишиться порядочности букв. на стыд свой войлок навешивать); бууриннь занг медх (хорошо знать характер, нрав, склонности кого-либо букв. знать норы своего верблюда-самца); эврэннь махан күүнэ хэаснд чанулх (давать в обиду своего человека, позволять кому-либо издеваться над своим ближним букв. свое мясо в чужом котле позволять варить); теңгр цокг, темэн девсг (Да покарает небо, да лягнет верблюд" - хлятвенное заварение в чем-либо); мек-тах уга (прямой, бесхитростный букв. без хитрости и подковы); цаһан седклэ (добрый, сердечный букв. с белой душой).

Оригинальность и своеобразие фразеологических единиц калмыцкого языка во многом определяются особенностями быта калмыков в прошлом. Кочевой образ жизни и занятие скотоводством сильно сказались на содержании калмыцкой фразеологии как совокупности устойчивых выразительных средств языка, с особой функционально-стилевой окраской.

Фразеологические единицы обладают разной степенью экспрессии. Среди них есть и стилистически нейтральные, имеющие строго определенное, прямое для современного языкового сознания значение, представляющие собой стершуюся метафору и приближающиеся к терминам или к номенклатурным наименованиям. Например, следующие устойчивые словосочетания: төмр хаалһ (железная дорога), торһн киилг (корь букв. шелковая рубашка), жола боорцг (фигурные лепешки), дааһна чикн (шавель букв. ухо двухгодовалого жеребенка), алтн һасн (полярная звезда букв. золотой кол), теңгрин ки (гриб, букв. воздушное дыхание, небо дыхание), доһлң эмгн (радуга, букв. хромая старуха), цаһан хорһлҗн (олово, букв. белый свинец) (К-14, с. 31-32).

С точки зрения происхождения и традиции использования калмыцкая фразеология подразделяется на несколько групп. В частности, большое количество фразеологизмов группируется или вокруг слов, передающих понятия о животных, или же связано в своем употреблении со словами, обозначающими различные предметы экипировки всадника. Например: мернь гүүжәнә (кому-либо везет, букв. лошадь его бегаёт), яман гихлә темән гих (когда говорят про козу, говорить про верблюда), көлән дәрәд курҗх (становиться взрослым, самостоятельным, букв. ногу свою до стремени дотягивать), эмәлән авлго, жолаһан судхлго йовх (идти упорно и настойчиво избранным путем, букв. седла не снимая, поводка не ослабляя идти), күүнд хазараң мөлтлүлх (не уметь постоять за себя, защитить свои интересы и достоинство, букв. кому-либо позволить узду свою срывать, сдерживать).

Другая значительная часть калмыцких фразеологизмов сосредоточена вокруг слов, называющих различные части человеческого тела. Примеры: ам авх (братъ, взять с кого-либо слово, обещание, букв. рот братъ), кел-аман бүүлүдх (точить лясъ, букв. язык-рот свой точить), бүдүн күзү үзүлх (грубить, вести себя грубо, букв. толстую шею показывать), нүдн курҗх (сглазить, букв. глаз дойти), көлән татх (рожать, букв. ногу свою тянуть) и т.д. Фразеологические единицы, имеющие в своем составе слова, обозначающие внутренние органы человека, передают обычно определенное состояние человека, его переживания и чувства. Примеры: зуркн ишкрх (испытывать ужас при виде чего-либо, букв. сердце свистеть), оошкинь амарнь һарх (рассмешить кого-либо до коликов, заставить кататься от смеха, букв. легкие его через рот вытаскивать), сүмсән алдх (сильно пере-

пугаться, букв. душу свою упустить), эжкнь урсх (испытывать чувство тревоги за кого-либо, болеть душой о ком-либо, букв. печень его плавится, растворяется).

Третья группа фразеологизмов тесно связана с национальными обрядами и обычаями калмыков. Например: дер негдулх (поженить, сочетать браком молодых, букв. подушки об^еединять), усэн хувах (выйти замуж, стать женщиной, букв. волосы свои разделять) и др.

Довольно многочисленна в своем составе группа фразеологизмов, в которых обнаруживаются религиозные представления калмыков. Фразеологические единицы данного разряда изобилуют такими словами, как теңгр (небо, небожитель), бурхн (бог, будда), дарк (божья мать), таралц (рай, райская земля), хурл (монастырь), сэени орн (страна прекрасного) и т.д. Интересно отметить, что некоторые фразеологизмы приведенной группы, утратив свое религиозно-мистическое содержание, превратились в междометные восклицания. Например: теңгр цокг (ей богу, букв. да покарает небо).

В общем объеме калмыцкой фразеологии четко выделяется группа фразеологических единиц, представляющая собой устойчивые формулы типа проклятий (харал) и благопожеланий (йөрэл). Как правило, они отличаются высокой эмоциональностью и экспрессивностью. Сравни, например: харачнь хамхртха (да поломается матица его юрты), амнь арднь харг (да переместится рот его назад), хар назрт ор (чтобы ты в черную землю вошел), алтн жола эргүлж иртн (пожелание благополучно возвратиться из дальнего пути, букв. золотой повод поворачивая приддите), хаалтн цаһан бодтха (пожелание счастья и удачи в пути, букв. да будет дорога ваша белой). Поскольку и в данной группе фразеологизмов превалирует фактор экспрессии, который легко может поглотить и нейтрализовать значение фразеологической единицы, то отдельные выражения воспринимаются как междометные обороты, передающие разные аффекты. Сравни например: цецгт од (букв. пойдн к оспе), эзэн залг (букв. проглоти хозяина).

В формировании фразеологических единиц калмыцкого языка известная роль принадлежит числительным. Фразеологизмы с числительными образуют, хотя и не столь большой, но самостоятельный разряд языковых единиц. Примеры: долан уул (не дай бог случиться чему-либо, не приведи господи, букв. семь гор). Это выражение, несомненно эллиптического характера, ибо существует ее полный

вариант - долан уудд бэг, - в том же значении (букв. пусть остается при семи горах), далн хойд худл келх (говорить всякие небывальщизны; букв. семьдесят-две неправды говорить), тави ухаинь тараһад тарг экинь эргүдх (вскружить голову кому-либо, сильно увлечь, заставить безрассудно полюбить кого-либо, букв. пять рассудков его рассеяв, мозги перевернуть).

Для калмыцкой фразеологии очень характерны фразеологические единицы, источником которых выступает национальный фольклор. В стилистическом плане они отличаются возвышенным, торжественно-риторическим характером. Например: ааһ цусан асхрудх (героически погибнуть за что-либо, букв. чашу крови своей пролить), баар бәрлдх (сойтись в поединке с врагом, сразиться с противником, букв. за место схватываться).

По активности употребления фразеологизмы калмыцкого языка разделяются на три группы. В первую группу включаются наиболее употребительные фразеологические единицы. Например: бурхн ер-шатхэ (да помилует бурхан), бийан икд тэвх (возомнить о себе, заваяничать; букв. себя большим ставить), чира хэлэх (заяскивать, угождать перед кем-либо, букв. лицо смотреть), кучинь эрх зөөх (сватать девушку, посылать сватов к родителям девушки, букв. девушке водку возить) и т.д. Это самая широкая по охвату группа калмыцких фразеологизмов. По своей стилистической принадлежности все они являются разговорно-просторечными.

Вторую группу составляют фразеологизмы с меньшей частотностью употребления. Примеры: сүмснь ораһаонь һарх (смертельно перепугаться, букв. душа его через макушку выходит), мала дасхарн шууддх (поднимать вопли и крик, истошно, нечеловеческим голосом кричать, букв. плетку выдерживая шуметь), буонтгаснь кетлх (насилно, против желания вести кого-либо, букв. за верблюда́ий повод вести), зөвөрн болх (скончаться, умереть, преставиться, букв. по согласию своему быть). По стилистическим качествам фразеологизмы данного класса однородны с оборотами предыдущей группы.

В третью группу включаются такие выражения, которые ограничены в своем функционировании. Пассивность их употребления объясняется процессом устаревания и архаизации их семантики. Примеры: эвнч элэх (пожить на свете, познать жизнь, букв. чулки износить), ооср уга кун (своенравный, крутой человек, букв. без бечевки), уд авх (соблюдать пост, кушая специально приготовленное блюдо -

жареную на масле муку), хээчлэ харһулх (казнить, предать казни, букв. с ножницами заставить встретиться). К пассивным по употреблению фразеологизмам можно отнести и часть калькированных с русского языка выражений. Например, такие как: бүслэн хавчулх

(заткнуть за пояс), батхнас зан кех (делать из мұхи слона), усн деер биилэр бичсн (вилами на воде писано), идчкн өнцгнн күртго төр (дело не стоит выеденного яйца).

В условиях массового и повсеместно развитого калмыцко -русского двуязычия во фразеологию современного калмыцкого языка влилось очень много свежих по своей образности калькированных выражений. В ряде случаев фразеологизмы - кальки настолько укоренились, что возникает трудность в установлении их национальной принадлежности. Например: дорнь нуқ малтх (копать яму под кого-либо), һоснаннь давхрг доран барх (держатъ под каблуком кого-либо), өвдкүртэ орминь кендэх (задеть кого-либо за большое место, тронуть за живое), толһаһарнь илх (гладить по головке), жирв хайх (бросать жребий), ханцан шамлад кедлмшт орх (засучив рукава взяться за работу), өнг һарһх (делать вид, создавать видимость), уснд хэлэсн мет (как в воду глядел). Подобные кальки встречаются не только в произведениях современных калмыцких писателей, но они общепонятны и употребительны в живой разговорной речи калмыков. Не отрицая фактов фразеологических совпадений в разных языках, выражения типа домбртнь биилх следует считать полукалькой с русского (плясать под чью-либо дудочку). Здесь имеет место творческая переделка русского фразеологизма, приспособление его к образной системе калмыцкого языка через замену компонента "дудка" словом "домбр" - (национальный инструмент в виде балалайки).

Часть русских фразеологизмов выступает в калмыцком языке в виде полукалек, т.е. они переводятся не дословно, а с некоторой модификацией либо в структуре переводимого фразеологизма, либо в передаче одного из компонентов русского оборота. Например: ус асхвчн ивтршго -(букв. хоть воду лей, не просочится). Ср. русск. водой не разлить (о закадычных, неразлучных друзьях); эврәннь шүүснден шаргх - (букв. жариться в собственном соку). Ср. русск. вариться в собственном соку.

Как явствует из примеров калькированию поддаются лишь те фразеологизмы русского языка, которые являются наиболее ходовыми и образность которых не только не препятствует буквальному переводу, но и сохраняет свою выразительную силу в языке перевода. Таким образом, в результате калькирования происходит процесс

нивелировки и выравнивания фразеологических составов двух тесно контактирующих языков: калмыцкого и русского.

По степени сложности структуры калмыцкие фразеологизмы бывают двухкомпонентными и многокомпонентными. Но, как правило, количество компонентов в таких сложных образованиях не превышает шести слов. Примеры: улу уэх (завидовать, питать чувство зависти, букв. лишнее видеть), усэн үмтэх (рвать на себе волосы, испытывать чувство сильной досады, букв. волосы свои выщипывать), уланжад утх нарх (показывать свою силу перед слабым, беззащитным существом, букв. на малька или рыбешку нож вытаскивать), урдкнэ холжх, хөөткнэ өөрдх (доживать свой век, быть близким к смерти, букв. прошлое удаляется, будущее приближается).

Для многокомпонентных фразеологических единиц характерны признаки ритмико-эфонической организации, в частности аллитерация: аман бэрэд, альхан ташад үлдх (остаться в дураках, в глупом и смешном положении), деернь дел урнаһад, дорнь сүл урһах (привирать, присочинять что-либо к услышанному (букв. сверху гриву вырастить, снизу хвост отпустить)).

Грамматическое строение фразеологизмов калмыцкого языка соотносительно не только со словосочетанием, но и с предложением. Например, кишгнэ иржэна (кому-либо сопутствует удача, успех, счастье, букв. счастье его приходит), зуд уга эмтн (беспечный, беззаботный, букв. без дзута человек). Однако подавляющее большинство фразеологизмов по своей формальной структуре соответствует строению словосочетаний.

В калмыцкой фразеологии очень широко бытует явление вариантности. Одна и та же фразеологическая единица может варьировать свой состав. Обычно вариантность осуществляется через замену отдельных компонентов, смысл которых не изменяет общей семантики фразеологизма. Например: төртэн эс авх (не принимать во внимание), күүкнд эрк зөөх (сватать девушку), манһаран төөлх (похмелиться), хара баэх (ничего не делать, бездельничать), шо тэвх (предсказывать, гадать).

Калмыцким фразеологизмам не чужды и такие системно-организующие свойства, как: многозначность, синонимия и антонимия. В качестве многозначной фразеологической единицы возьмем, например, выражение "назаран нарх", обладающее следующими значениями: а) надолго покинуть свой дом, уйдя или уехав куда-либо; б) выйти замуж, оставляя родительский дом; в) идти в люди в поисках

пропитания.

В кругу фразеологизмов калмыцкого гораздо легче проследить синонимические отношения, чем полисемия. Синонимичными фразеологизмами называются два или несколько оборотов, различных по составу, но общих по значению. В пределах общего значения синонимичные устойчивые обороты могут различаться оттенками, а также стилистическими качествами. Сравни, например, синонимический ряд фразеологизмов с общей семантикой (скончаться, умереть); зэварн болх (букв. по согласию своему быть), сэани сэнд төрх (букв. в стране прекрасного родиться), эрлж олх (букв. исчезнуть, уйти), хар назрт олх (букв. в черную землю войти).

Если синонимичные фразеологизмы выражают одно и то же понятие, то антонимичные фразеологические единицы передают противоположные контрастные явления. Сфера проявления антонимических свойств калмыцких фразеологизмов намного уже сферы их синонимических связей, так как антонимы (будь это слова или фразеологизмы) выражают главным образом качественные понятия. Например: хар санх (замышлять недоброе, питать зло, букв. черное думать) - цаһа санх (питать добрые чувства, букв. белое думать) - өр жөөлрх (чувствовать жалость, испытывать страдание, букв. подсердечная мышца размягчаться) - өр хатурх (ожесточиться, озлобиться, букв. подсердечная мышца твердеть).

Стилистически окрашенные фразеологические единицы широко используются и в устной, и в письменной речи, во всех функциональных стилях. В научном и официальном - деловом стилях экспрессивно окрашенные фразеологизмы весьма редки, но здесь используется функционально окрашенная фразеология (в том числе терминологическая). Экспрессивно - эмоциональные фразеологизмы наиболее широко употребительны в разговорно-бытовой речи, а также в художественной и публицистической. В двух последних речевых сферах (хотя и не только в них) создаются новые фразеологизмы, лаконичные и меткие выражения, которые быстро становятся крылатыми и общеупотребительными).

Таковы в основных чертах стилистические средства и возможности калмыцкого языка на различных уровнях лексики.

Глава 2. Стилистика частей речи калмыцкого языка

Задача изучения стилистической специфики как конкретных частей речи, так и стилистических функций их грамматических форм является весьма актуальной.

Чтобы уяснить специфичность изучения морфологических явлений в стилистике, необходимо напомнить, что стилистика подходит к фактам со стороны их функций, устанавливая как смысловые, так и экспрессивные своеобразия отдельных языковых явлений в ряду других, объединяемых общностью или близостью основного значения. Поэтому важнейшую часть стилистического рассмотрения составляют синонимические средства языка.

Ресурсы стилистики в области грамматики, в частности морфологии, следует искать в синонимических явлениях. Они появляются в языке по ряду причин: в связи с внутренними процессами развития языка, взаимодействием устно-письменной и книжно-разговорной речи, а также различных функциональных стилей, наконец, исходя из потребности выражения смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков. Однако синонимические средства морфологии далеко не всегда имеют собственно стилистический характер.

Морфологические средства, в отличие от лексических и словообразовательных, дают значительно меньше эмоционально-экспрессивных окрасок и больше функциональных, связанных с традицией употребления тех или иных форм в устно-разговорной либо в письменно-книжной сфере, преимущественно в научном и деловом стиле.

Стилистические возможности существительных очень широки. Чрезвычайно разнообразна лексическая синонимия существительных,

выразительны их словообразовательные средства, своеобразны оттенки падежных значений.

Грамматическую синонимию калмыцкого языка, как и лексическую можно классифицировать на межстилевую и закрепленную за определенными функциональными стилями. Например, некоторые грамматические формы закрепляются за определенным стилем, в частности, за официально-деловым, разговорным или научным стилями.

Морфологическая стилистика изучает значения и формы грамматических категорий частей речи, их функционально-стилистическую синонимию и дифференциацию, возможности стилистических замен, случаи употребления (не употребления) конкретной грамматической формы. Синтаксическая стилистика изучает вопросы использования словосочетаний, семантико-стилистическую дифференциацию типов сказуемого и других членов предложения.

Рассматривается вопрос о предмете грамматической стилистики. Вопрос этот упирается в проблему разграничения собственно языковых и стилистических норм. Как известно, языковые нормы описываются и устанавливаются нормативной грамматикой (орфография), нормативной фонологией (орфоэпия), нормативной лексикологией и семасиологией.

Научная, учебная и другие типы грамматики раскрывают лексико-грамматическую и фонетическую природу языковых явлений, а также описывают их функции в общем плане. Поэтому в курсе стилистики не освещаются те явления, которые составляют структуру языка. Морфологическую стилистику, например, не интересует то, что именам существительным присуща категория множественного числа, что им присуще склонение, а такие-то падежи имеют такие-то окончания. Это предмет нормативной грамматики. Но дело морфологической стилистики указать на своеобразие использования морфологических форм в речи (например, суффиксы множественного числа не присоединяются к собственным именам, именам с числительными определителями и словам, обозначающим природные явления). По стилистическим нормам калмыцкого языка нельзя сказать, например, дөрвүдмүд (дербетовцы), цаснмүд (снега), зун үкрмүд (сто коров) и т.д.

Делом стилистики является также выяснение своеобразия использования морфологических форм в разных функционально-речевых стилях. Компетенцию стилистики составляет установление оттенков, нюансов в значении и экспрессии морфологических средств в зависимости от

разной функционально-стилистической соотнесенности и в связи с этим изучение функционирования разнообразных синонимических морфологических и соотносительных форм. Морфологическая стилистика - это наука оттенков и выразительных нюансов с точки зрения их употребления. Таким образом, предметом морфологической стилистики является установление своеобразия значения и выражения тех или иных морфологических форм в зависимости от соотнесенности с разными стилями и в связи с этим описание стилистических вариантов в кругу одной и той же семантической и грамматической категорий.

Имена существительные калмыцкого языка характеризуются стилистической полифункциональностью и большой частотностью употребления во всех стилистических жанрах по сравнению с другими частями речи.

В области существительного для стилистики представляет интерес использование разных категорий существительных, падежных конструкций и словообразования существительных. Во всех этих случаях особое значение приобретают синонимические формы и использование отдельных форм в разных стилях речи.

Как известно родительный падеж в калмыцком языке - основное средство выражения синтаксических отношений между именами. Значения родительного падежа очень разнообразны и богаты. Но общее его значение - выражение отношения принадлежности одного предмета к другому в широком смысле слова. Рассмотрим основные значения данного падежа. Таким образом, различаются: Родительный принадлежности - эцкин мэрн (конь отца), орн-нутгин эдвр (обеспечение государства); родительный отношения - теегин өвсн (трава степи), ангин жим (звериная тропа), усна доьган (волна воды); родительный целого и части - девдин зах (воротник шубы), өдмгин керчм (кусочек хлеба), дегтрин һадр (обложка книги); родительный сравнения и уподобления - туудан чингэ (величиной с зайца), герин бээдгэ (подобный дому); родительный назначения - аратын нукин (нора лисицы), малын хада (сарай для скота), утхин гер (чехол для ножа); родительный места - Алта уулын өмн бийд (за горами Алтай), һолын ца (за рекой), хотна ард (за околицей села); родительный времени - хонга һазр (расстояние в одни сутки), жиле хот (корм одного года), сара кэдлми (работа одного месяца); родительный субъекта - улсин диилвр (победа народа), баһчудин дун (песня молодежи), бичкдудин гер (дом ребенка);

Эти значения в зависимости от стиля могут еще более конкретизироваться. Если, например, в разговорном стиле родительный названия обозначает конкретные предметы эмин шид (пузырек для лекарства), то в публицистическом, научном стилях он может обозначать отрасль хозяйства, область применения, абстрактное понятие - селэне эдл-ахун аң есклһнэ эңг (звероводство-отрасль сельского хозяйства), көгжмин зевсгуд (музыкальные инструменты); В художественном стиле родительный времени часто обозначает названия сезонов года, частей суток: хаврин кедлмш (весенние работы), удин халун (дневная жара), өрүни серун аһар (утренний свежий воздух), намрин киитн хур (осенний холодный дождь). В разговорном и художественном стилях чаще встречается модель "имя существительное - имя существительное", а вид связи "имя существительное - послелог" более характерен публицистике, например: төрсин һазрин теле (за родину), кедлмшин хөөн (после работы), бичкүддин иргчин теле (за счастливое будущее детей), тооһин кирцәһәр (в количественном отношении).

В годы советской власти, особенно в публицистическом стиле, стали широко употребляться модели словосочетания, в котором родительный падеж обозначает коллектив, учреждение, хозяйство, отрасль: олна элч (посланник народа), деед цулһни гешүн - член парламента, ортгин ахлач - председатель артели.

Модель "существительное - существительное" в разговорном и художественном стилях выражает отношение происхождения, источника существования: мана эңгин күн (земляк, досл. человек из нашего рода). Иногда родительный источника может употребляться без форманта, совпадая с основой. В этом случае семантика происхождения отходит на задний план, а на первый план выдвигается качественная характеристика: хальмыг хөн (кальмыцкая овца, т.е. определенная порода овцы), ср. Хальмыгин хөн (овца из Калмыкии). В таких моделях - географических названиях - определение традиционно оформлялось в форме основы: Хальмыг Таңһч (Республика Калмыкия),

О категории рода. Известно общепризнанное мнение, что категория рода в алтайских, монгольских языках, в том числе и в калмыцком отсутствует. Тем не менее многие исследователи этих языков пытались обнаружить хотя бы некоторые следы или остатки этой категории (Владимирцов, 1925, с. 31-34; Г.Д.Санжеев, 1956, с.74 и другие).

Анализируя взгляды ряда исследователей на эту тему, М.Н. Орловская замечает "Ученые исходили из того, что в древности для выражения категории рода использовались некоторые словообразовательные суффиксы для различения женского и мужского полов живых существ: хутугтай "святая", хутугту "святой", а также гармония гласных: аха "старший брат", эке "старшая", "матушка".

Отметим также, что в системе терминов 12-летнего животного цикла монголы различают года по цветовым гаммам (синий, красный, желтый, белый, черный). При этом названия цветов подразделяются по отношению к мужскому и женскому полу животного цикла". (М.Н. Орловская, 1994, с. 13).

И в калмыцком языке категории рода не существует. Однако для некоторых одушевленных предметов проводится различие по линии естественного пола. Грамматический род имен существительных, обозначающих названия людей и животных, зависит от их лексического значения. Лексический способ выражения заключается в том, что в одну группу об*единяются два связанных по смыслу, но различных по своей этимологии слова: көвүн "мальчик" - күүкн "девочка", залу "муж, мужчина" - гергн "жена, женщина", бух "бык" - укр "корова" и т.п. Для обозначения мужского пола к слову неродового типа добавляется определитель эр "самец": эр мис "кот", эр нуисн "селезень", эр хаха "боров", эр така "петух".

Образование слов женского рода осуществляется посредством русской флексии -а. Появление этого способа образования родовой категории в калмыцком языке об*ясняется непосредственным влиянием русского языка. Примеры: Манжиев - Манжиева, Гаряев - Гаряева, Бадмаев - Бадмаева и т.д.

Возможность выбирать слова разного рода мужского и женского - относится к обозначению лиц женского пола по их профессии, занятию, должности и т.д.

В связи с тем, что целый ряд профессий, занятий, должностей до недавнего времени был недоступен женщинам, в языке выработались только названия мужского рода: эмч (врач), багн (учитель), хөөч (чабан), укрч (скотник), ахлач (председатель).

Во всех этих словах на первое место выступает социальная и профессиональная характеристика лица, а его пол остается на втором плане. Это и дало возможность прилагать их и к женщинам, когда они получили доступ к этим, когда-то всецело мужским профессиям.

Относительно людей это производится по их возрасту и роду: эцк (отец), эк (мать), аав (дедушка), ээж (бабушка), көвүн (сын), күүкн (дочь), ах (старший брат), ду (младший брат или сестра), эгч (старшая сестра), өвгн (старик), эмгн (старуха), ҺаҺа (тетя), залу (муж), гергн (жена), бер (сноха), бергн (старшая сноха, жена брата), күргн (жених), күр ду (младший брат мужа), күр ду күүкн (младшая сестра мужа), авһ (дядя), авһ бергн (жена дяди), худ өвгн (сват), худ эмгн (сваха).

Люди мужского и женского пола нарекаются особыми личными именами: Бадм, Бемб, Дорж, Санж - мужские имена; Кермн, Өлзэ, Будһн, Сагдр - женские имена.

Женские имена, заимствованные из русского языка, в калмыцком языке обычно сохраняют свои формы: Нина, Катя, Светлана. Заимствованные слова, обозначающие должность, профессию, общественное положение людей, которые показывают принадлежность к женскому полу, осваиваются путем усечения конечной флексии: комсомолк (комсомолка), пионерк (пионерка), студентк (студентка), артистк (артистка), машинистк (машинистка). Распространены отчества и фамилии, образованные по моделям русского языка: Наранов -Наранова Дорджиев - Дорджиева, Санджиева Кермен Диджиевна, Бембева Альма Нарановна и другие.

Слова эр (мужчина), эм (женщина), күүкн (девочка), когда употребляются отдельно, относятся к человеку и содержат самостоятельное родовое значение: эр (мужчина), эм (женщина), күүкн (девочка, дочь). В качестве различителя пола выступают также слова со значением, указывающим на старшинство: ах (старший брат), ду (младший брат), эгч (старшая сестра).

В названиях животных род определяется по полу и возрасту: бүүр (верблюд=производитель), ингн (верблюдица), атн (холощенный верблюд); ажрн (жеребец), гун (кобылица), марн (конь), агт (мерин), үрэ (трехгодовалый конь), бээсн (лошадь-трехлетка); хуц (баран), нээдр хөн (овцематка), ирг (кастрированный баран), зусг (холощенный баранчик), телг (овца=двухлетка); тек (козел), яман (коза); бух (бык=производитель), үкр (корова), цар (вол).

Слова: эр в смысле (самец), эм и күүкн в смысле (самка) ставятся впереди слов общевидового значения: эр уһнн (жеребенок-самец), эр туһл (теленок), эм или күүкн туһл (телка), эр хурһн (ягненок=самец), эм или күүкн хурһн (ягненок=самка).

В названиях животных половая принадлежность, связанная с возрастом, передается определенными словами, производными от числительных. Здесь имеются аффиксы -н для обозначения мужского пола, -нн — женского пола: хунн (трехлетний), хуннн (трехлетняя), денн (четырёхлетний), деннн (четырёхлетняя), туудн (пятилетний), тууднн (пятилетняя). Чтобы различить вид животных, указанные числительные ставятся впереди того или иного названия животных: хунн цар (трехлетний вол), хуннн укр (трехлетняя корова), хуннн гун (трехлетняя кобылица), денн бух (четырёхлетний бык), деннн уяр (четырёхлетняя корова), деннн хэн (четырёхлетняя овца), туудн ажрн (пятилетний жеребец), тууднн гун (пятилетняя кобылица), тууднн укр (пятилетняя корова).

Для различения животных по полу употребляются особые слова, показывающие их масть: шар или шарн (самец желтой масти), шаргчн (самка желтой масти), хар (черный), харгчн (чернуха), бор (самец серой масти), боргчн (самка серой масти). Эти слова могут сочетаться с названием того или иного животного: харгч гун (каурая кобылица), кер мэрн (гнедой конь), кеегч гун (гнедая кобылица), но можно сказать, спустив названия животных по масти, когда имеются в виду известные животные: кеегчн (белая), кеегчн (гнедая), боргчн (серая), шаргчн (соловая).

В приведенных выше примерах различение самок животных по их масти производится посредством аффикса -гчн, насаживаемого к основе названной масти.

Категория числа. Отсутствие в калмыцком языке грамматической категории рода, согласования в роде, числе и падеже накладывает своеобразие и на категорию множественности в этом языке.

Объекты здесь чаще мыслятся как собирательные, т.е. как определенное единство во множестве или как понятия, не мыслимые в единственном числе: нудн (глаз, глаза), чикн (ухо, уши), нар (рука, руки).

Кроме того, действует своеобразное правило согласования имен с числовым показателем: если перед именем стоит числовой определитель, то определяемое не нуждается в показателе множественности.

Число существительных также обладает определенными стилистическими возможностями.

Имена существительные в калмыцком языке имеют форму единственного и множественного числа. Существительные в единственном

числе указывают либо на единичность предмета, либо на их единство, совокупность, неделимость. За форму единственного числа принимается форма именительного (основного) падежа без формообразующих и словоизменительных формантов. Специальных формантов для выражения единственного числа нет: гөр (дом), күн (человек), санан (мысль), тег (степь), куцамж (достижение), хөөч (чабан), эслт (рост) и т.д.

Рассмотрим нормы не употребления (и употребления) окончаний множественного числа. Нижеследующие имена существительные не оформляются во множественном числе:

Имена, обозначающие единственные в своем роде предметы: теңгүр (небо), нарн (солнце), сар (луна), делкэ (вселенная), йиртмэ (природа), теңгрин уйдл (млечный путь).

Собственные имена: Бадам, Санж, Диж, Дулахн, Кермн, Цаһан.

Названия частей тела человека и животных, а также парных предметов: көл (нога, ноги), тавг (ступня, ступни).

Названия сыпучих или жидких веществ, не поддающихся счету: давсн (соль), үсн (молоко), усн (вода), һуйр (мука), тутрһ (рис)

Имена, обозначающие природные явления, не поддающиеся счету: хур (дождь), цасн (снег), боран (осадки), аһар (воздух), салькн (ветер), шуурһн (метель), оһтрһу (гром), .

Отвлеченные понятия, обозначающие качество, действие или состояние: байр (радость), жирһл (.счастье), седкл (душа), нөр (сон) киһг (счастье), ур (гнев).

Имена существительные процессные, образованные посредством аффиксов =лһн, =ан, =эн: умшлһн (чтение), зуолһн (рисование), ноолдан (борьба), марһан (состязание), дерлдэн (соревнование), шулглэн (поэзия).

Употребление аффиксов множественности в современном калмыцком языке следует рассматривать как закономерное явление, диктуемое языковой экономией.

Категория числа в калмыцком языке может выражаться двумя способами: морфологическим и синтаксическим.

Морфологический способ заключается в том, что единственное число не имеет показателя, а множественное число образуется путем прибавления к основе слова аффиксов: =но, =д, =с, =муд, (мүд), =уд (=үд), =чуд (=чүд).

Аффиксы множественного числа употребляются в зависимости от характера конечного звука основы слога, к которому они присоединя-

тся.

Аффикс =нр получают имена, обозначающие только людей, их профессию, специальность, или выражающие родственные отношения между ними.

1) слова, показывающие профессию и специальность людей: хөөч (чабан) - хөөчнр (чабаны), багшнр (учителя), тосхачнр (строители), бурхудаачнр (буровики), залһачнр (связисты), артистнр (артисты), космонавтнр (космонавты);

2) слова, выражающие родственные отношения: ах (брат) - ахнр (братья), эгч (сестра) - эгчнр (сестры), эцк (отец) - эцкнр (отцы), эх (мать) - эхнр (матери), авһнр (дяди), ээжнр (бабушки), уунр (младшие братья), зеевр (племянники), ачнр (внуки).

Аффикс =д получают имена с конечным неустойчивым н. Это конечный н называется неустойчивым, так как при присоединении аффиксов выпадает в некоторых падежах. Аффикс =д обычно получают имена, относящиеся к первой группе склонения: модн (дерево) - юдд (деревья), мөрн (конь) - мөрд (кони), хөн (овца) - хөд (овцы), машин (машина) - машинд (машины).

Аффикс =муд (муд) приобретают:

имена с конечным согласным в своей основе за исключением а, б, в, ң. Данный аффикс обычно получают имена, относящиеся ко второй группе склонения: һар (рука) - һармуд (руки), хош (стан) - хошмуд (станы), бүс (ремень) - бүсмуд (ремни).

Аффикс =с получают:

1) слова третьей группы склонения: така (курица) - такас (курицы), то (число) - тос (числа), хөрә (пила) - хөрәс (пилы);

2) имена с конечными редуцированными гласными, основа которых состоит из нескольких согласных звуков: шалһ (коса) - шалһс (косы), күрн (хорек) - күрнс (хорьки), бахн (столб) - бахнс (столбы), терз (окно) - терзс (окна), күцэмж (достижение) - күцэмжс (достижения), тосхлт (стройка) - тосхлтс (стройки).

Аффикс =уд, (=уд) получают:

1) имена с конечным г, к, основа которых состоит из сочетания четырех и более ясных звуков. Эти имена относятся ко второй группе склонения: зург (рисунок) - зургуд (рисунки), иньг (друг) - иньгуд (друзья);

2) имена с конечным ң. Эти имена тоже относятся ко второму склонению. В них перед аффиксом =уд (=уд) употребляется вставной

-г- : сәң (тост) - сәңгүд (тосты), аң (зверь) - аңгүд (звери), дуң (раковина) - дуңгүд (раковины), дөвсң (ступень) - дөвсңгүд (ступени), халвң (женский головной убор) - халвңгүд (женские головные уборы).

С аффиксом =чүд (=чүд) образуются субстантивированные существительные от качественных имен: баһ (молодой) - баһчүд (молодежь), ик (большой) - икчүд (большие, взрослые), хар (черный) - харчүд (простолюдины), цаһан (белый) - цаһачүд (беляки, белогвардейцы), улан (красный) - улачүд (красные), сән (хороший) - сәәчүд (начальство).

Кроме аффиксального или морфологического способа выражения категории множественности, существует еще синтаксический способ.

Синтаксический способ - это такой способ выражения числа, когда в качестве определений при имени существительном выступают числительные или такие слова, как олн (много), цән (мало), дала (много), көсг (несколько). При этом имена существительные не принимают аффикса множественности: мөрн (конь) - тавн мөрн (пять коней), күн (человек) - хойр күн (два человека), хән (овца) - дала хән (много овец), мал (скот) - олн мал (много скота), сүрг (стадо) - көсг сүрг (несколько отар).

При перечислении имен существительных не обязательно присоединение аффиксов множественного числа, но важно, чтобы последний из перечисляемых имен имел показатель множественного числа или наличествовало слово, обозначающее множество: хән, үкр, мөрд, дөгәж келхдә, һазрин көрсн эс үзгдм олн. - Овец, коров, лошадей так много, если сказать преувеличивая, даже не видать земли. (дословно - овца, корова, лошади).

Со значением собирательной множественности в калмыцком языке употребляются некоторые парные слова типа: элгн=садн (родня), үүриг=саармг (мелкота), унжг=санжг (остатки), хот=хол (провизия) зер=земш (фрукты), сав=сарх (посуда), керг=үүл (дела, мероприятия)

Как видим, несмотря на ограниченные синтаксические функции в смысле выражения синтаксических отношений, окончания множественного числа в калмыцком языке характеризуются важной стилистической ролью.

В калмыцком языке наряду с аффиксами =уд (=үд), =с, =д. выражающими только значение множественности, бытуют аффиксы =чүд (=чүд) с лексическим значением. Это явление связано с субстанти-

вацией имен прилагательных.

Широкая возможность субстантивации объясняется тем, что одни прилагательные временно могут в контексте употребляться в значении существительных, а другие при определенных условиях конкретизируют или изменяют свое лексическое значение и начинают обозначать предмет, переходя в разряд имен существительных. Отсюда следует различать субстантивацию грамматическую (употребление прилагательного в предложении в значении существительного) и лексическую, при которой происходит полный переход прилагательных в категорию существительных.

Прилагательные в значении существительного не столько причина субстантивации, сколько следствие реализации субстантивного значения прилагательного, которое развивается на базе его номинативного значения.

Для прилагательных, перешедших в разряд существительных, характерно сужение и конкретизация их лексического значения. Будучи прилагательными они обозначают признак, который может относиться ко многим предметам или понятиям. Например, прилагательное улан (красное) может относиться к самым различным предметам и понятиям и имеет различные оттенки значений: Улан туг (Красное знамя), улан нарн (красное солнышко), улан альчур (красная косынка), улан эрк (красное вино), улан альын (красное яблоко) и т.д. Перейдя в разряд существительных, это прилагательное сохраняет только одно, частное и конкретное значение: (человек, принадлежащий к красной армии; красноармеец; большевик).

Как правило, переход в существительное связан для прилагательных лишь с общим сужением и конкретизацией его лексического значения, но не с изменением этого значения.

В калмыцком языке имеется довольно большая группа имен прилагательных полностью субстантивированных. Путем присоединения к именам прилагательным некоторых суффиксов множественного числа образуются имена существительные. (К-10, с.79-80).

Многочисленную группу составляют слова, которые могут употребляться и как прилагательные и как существительные: эндр (высокий), эндр (высота), хотхр (вогнутый, ложбинка), будун (толстый, голшина), гун (глубокий, глубина), халун (горячий, жара), киитн (холодный, холод), шар (желтый, желтизна), харнчу (темный, темнота), дулан (теплый, теплота), сээхн (красивый (красота), улан

(красный, краснота), хату (твердый, твердость), гигн (легкий, легкость), кунд (тяжелый, тяжесть) и т.д.

Подобные прилагательные, переходя в класс имен существительных, имеют указанное выше сужение и конкретизацию лексического значения слова и приобретают все формально-грамматические свойства существительных. К этой группе слов относятся синкретические формы типа евгн (старик, старый), залу (мужчина, муж, молодой), эмгн (старуха, старая), нонан (зелень, зеленый).

Анализ синкретических форм и обзор взглядов исследователей монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на эту проблему подробно осветил С.Д.Чареков в работе, посвященной наречиям в алтайских языках. (С.Д.Чареков, 1978, с.170-183).

Семантический анализ синкретических форм способен прояснить причины возможности употребления данной словоформы в различных стилистических вариантах, особенно в многочисленной группе существительное/прилагательное.

Существительное/прилагательное. Эта группа синкретических словоформ подразделяется на подгруппы.

Слова первой подгруппы обозначают наименование материала и характеризует предмет по данному материалу: болд (сталь, стальная), бул (пух, пуховый), зандн (сандал, сандаловый), зес (медь, медный), молр (хрусталь, хрустальный), ноосн (шерсть, шерстяной), евр (рог, роговый), тан (перламутр, перламутровый), хув (янтарь, янтарный), хусм (береза, березовый), цаасн (бумага, бумажный), цасн (снег, снежный), це (чугун, чугунный), чолун (камень, каменный), шавр (глина, глиняный), шил (стекло, стеклянный).

К этой подгруппе примыкают словоформы, которые называют различных животных и одновременно определяют какой-либо предмет по материалу, сделанному из их меха: арат (лиса, лисий), арат зах (лисий воротник), кермн (белка, беличий), кермн дэвл (беличья шуба), мис (кошка, кошачий), мэчн (обезьяна, обезьяний), туула (заяц, заячий), унгн (лиса, лисий), шилусн (рысь, рысий).

Синкретическая форма сохраняется при употреблении этих слов в переносном значении: туула урл (заячья губа), туула жид (год зайца), унгн жора (плавная, букв. лисья иноходь). Однако для формирования прилагательного, обозначающего принадлежность чего-либо данному зверю, т.е. притяжательного прилагательного, необходимо присоединение соответствующего суффикса: аратин арсн (лисий

мех), кeрмнэ арсн (беличий мех), миисин нудн (кошачьи глаза); туулан арсн (заячья шкура), унгнэ мех (лисы хитрость).

Вместе с тем синкретическая форма может передавать значение одушевленного существительного и одновременно значение притяжательного прилагательного, если она обозначает представителя какой-либо национальности или этнической группы: дэрвд (дербеты, дербетский), дэрвд айлн (дербетский говор), монл (монгол, монгольский), монл келн (монгольский язык), тург (турок, турецкий), хаэг (казак, казачий).

К этой подгруппе относятся и синкретические формы с несколько более абстрагированным значением прилагательного, но сохраняющими свое исходное значение вещественного существительного: буудя (зерно, зерновой), нал (огонь, огненный), деесн (веревка, веревочный), месн (лед, ледяной), усн (вода, водяной), утан (дым, дымовой), хорн (яд, ядовитый), ширм (пепел, пепельный).

Во всех словоформах рассмотренной подгруппы лексическое значение одновременно является номинативным и атрибутивным (камень - каменный, а дерево - деревянное - подобная тавтология, возможно и излишняя, тем не менее всегда справедлива). На первое место в словоформах этой подгруппы выступает номинативное значение, а атрибутивное можно считать вторичным.

Вторая подгруппа состоит из словоформ как определяющих какое-либо качество и характеризующих предмет по какому-либо признаку. Часто эти словоформы связаны с обозначением и характеристикой человека: аля (непутевый, бездельник), андн (скандальный, скандалист), буурл (седина, седой), налэн (лысина, лысый), иньг (любимый, любимец), көр (хвостун, хвастливый), мажг (урод, уродливый), өвгн (старик, старый), хөвдг (жадность, жадный), яду (бедность, бедный), кеемсг (шеголь, шеголеватый).

Многие словоформы не связаны с обозначением человека и его качеств, но тоже называют предмет по качеству и одновременно характеризуют его этим качеством: налзу (бешенство, бешеный), налзу ноха (бешеная собака) и нажгас налзу ээнэ (пьяного бешеный боится), долда (шар, круглый), дунд (середина, средний), тал дунд (в середине, в центре), дунд хурһн (средний палец), дундра (круг, круглый), жилһн (лицемерие, лицемерный), намг (болото, болотистый), садв (туберкулез, туберкулезный), цел (пустыня, пустынный).

По своему грамматическому содержанию эта подгруппа ничем не

отличается от первой подгруппы, различие состоит лишь в семантическом плане.

Весьма важно, что подавляющее большинство синкретических форм тяготеет к одному из грамматических разрядов слов, значения которых они передают. Значение другого грамматического разряда подкрепляется соответствующим суффиксом. Наиболее последовательно синкретические формы передают значения существительное / прилагательное / наречие.

В целом синкретизм можно рассматривать как живое, воспроизводящее явление, что подтверждается фактом возникновения производных синкретических форм, в свою очередь иногда требующих вторичного подкрепления другими суффиксами соответствующего значения, а также возможность выражать разнообразные стилистические функции. Поэтому синкретизм следует рассматривать как самостоятельный лексико-грамматический способ словообразования наряду с суффиксацией.

Богаты стилистические возможности степеней сравнения прилагательных. Среди них наблюдаются не только случаи различной семантики форм и функциональных ограничений, но и выражения экспрессивно-эмоциональных оттенков.

Как известно, в монгольских языках нет степеней сравнения как особой морфологической категории прилагательного и сопоставление признаков выражается при помощи определенных синтаксических конструкций сравнения. Они констатируют наличие различной (в основном количественной) степени однородного признака в двух или нескольких сопоставляемых предметах, которые должны быть обязательно указаны, или устанавливают наличие у предмета какого-либо качества в наибольшей мере по сравнению с другими предметами. Поэтому в монголистике говорят не о степенях сравнения, а о способах выражения сравнительной и превосходной степеней качества. Если степени качества выражаются при помощи определенных синтаксических конструкций, то ослабленная степень проявления качества выражается посредством особых суффиксов (например: шар "желтый" - шаравтар "желтоватый").

Качественные прилагательные в калмыцком языке могут сочетаться с усилительными словами типа йир, маш, туң (очень, весьма, крайне), образовать аналитическую форму превосходной степени качества в сочетании со словами типа хамгин, эвр, дегд "самый" (хамгин сэнэ "самый лучший", дегд ик "чрезвычайно большой"). В некоторых

именах прилагательных форма интенсивной превосходной степени качества проявляется посредством редубликатов: цаб-цаһан (белый-пребелый), хов-хол (далекий-предалекий) и т.п.

Степени качества также являются одним из дифференцирующих функциональных, жанровых и индивидуальных стили признаков. Так если усилительные слова маш, туң носят межстилевой характер, то нең преимущественно используется в художественной речи; хамгин тяготеет к разговорному стилю, а улмҗин - к высокой поэтической речи; интенсивы предпочитают в художественном и разговорном стилях, например: чилң цеңкр теңгр (голубое-преголубое небо); усилители типа таг, таш, шал, не имеющие конкретного лексического значения, также употребляются в этих стилях, например: шал сокту (совершенно пьяный), таг дула (совершенно глухой), таш харңһу (совершенно темно), тас хоосн (совершенно пустой).

В калмыцком языке имеются две степени сравнения: сравнительная и превосходная, если не принимать во внимание исходную, так называемую положительную степень. Качественные прилагательные сами по себе не имеют степени сравнения, а поэтому степени сравнения выражаются аналитически, т.е. с помощью конструкций.

Сравнительная конструкция образуется следующим способом: имя, с которым сравнивается предмет, ставится в исходном падеже, за ним следует прилагательное: төмрәс хату (тверже железа), цаснас цаһан (белее снега), салькнас хурдн (быстрее ветра), алтнас үнтә (дороже золота). Когда предмету или действию приписывается усиленное или ослабленное качество, то перед прилагательным ставятся слова=интенсивы типа эвр (очень), дегд (слишком), шал (совершенно), зөвәр (довольно): зөвәр ут (довольно длинный), дегд сән (слишком хороший), эвр күнд (очень тяжелый), маш улан (совершенно красный).

Конструкция превосходной степени качества образуется с помощью усилительных слов хамгин, кецу и даву с общим значением "самый": хамгин сән - наилучший (лучший из всего), даву бат - крепчайший (превышающе крепкий), кецу сәэхн (красивейший).

Уменьшительно=ласкательные прилагательные образуются при помощи аффиксов =вр, =цр, указывающих на ослабленную степень качества: улан (красный) - улавр (красноватый), цаһан (белый) - цаһавр (беловатый), чиигтә (влажный) - чиигтәцр (сыроватый), бүдән (теплый) - бүдәцр (тепловатый), сул (слабый) - сулцр (слабоватый), хату (твердый) - хатуцр (твердоватый).

Значение признака с известным оттенком ласкательности передает уменьшительный аффикс -хн: дулахн -(тепленький), көркхн (крохотный, миленький), бичкхн (маленький).

Усилительная степень качественных прилагательных образуется также путем полной или частичной редупликации.

Полная редупликация качественных прилагательных в зависимости от значения повторяющихся основ представлена двумя формами: либо повторением одной и той же основы, либо - разных основ.

Полная редупликация основы есть простое повторение прилагательных, служащих для выражения предельной или избыточной степени качества предмета. При этом определяемое слово стоит, как правило, в форме множественного числа: ик-ик гермуд (большие-большие дома), сээхн-сээхн цецгуд (красивые-красивые цветы), хурдн-хурдн мөрд (быстрые-быстрые лошади).

Некоторой разновидностью полной редупликации является сочетание качественного прилагательного с измененным звуковым комплексом того же прилагательного, выступающего в роли лексического показателя неопределенности: бичкн-сичкн (в общем-то маленькие), баахн-саахн (в основном малые), көк-мөк (что-то синее). В таких сочетаниях второй компонент повторяет первый, но с фонетической трансформацией начального звука.

Для усиления значения качественных прилагательных применяется особая частица, которая представляет собой начало (обычно первый слог) самого прилагательного, но с замыкающим согласным б.

Редупликации этого типа относятся к неполным. Первая их часть служит формальным показателем усиления признака. Этот способ усиления признака в калмыцком языке очень распространен и особенно характерен для качественных прилагательных, а также прилагательных, обозначающих цветовые признаки, например: хаб хар (совершенно черный), об олн (многочисленный), цаб цаһан (белый-пребелый), цеб цецкр (чисто голубой), ор һанц (совершенно одинокий).

Интенсивная степень качества передается посредством усилительных частиц йир, маш, эвр, чис и других со значением превосходства: маш сән (исключительно хороший), йир шулун (очень быстрый), эвр киитн (очень холодный), чис улан (чисто красный), дегд догшн (весьма свирепый).

Таким образом, качественные признаки предметов проявляются по-

разному. Для выражения их калмыцкий язык располагает известными средствами: аффиксами, редуликатами и усилительными частицами. (К-12, с. 134-136).

Падежные окончания отличаются многозначностью, они выполняют функцию соединения слов; их варианты, дифференцируя значения и оттенки, занимают особое место в сфере стилистических функций именных слов.

В целях иллюстрации вкратце рассмотрим стилистические функции именительного, родительного и совместного падежей.

Известно, что в калмыцком языке имена существительные в именительном, родительном и совместном падежах выполняют функцию определения. Это постоянная определительная функция постепенно вырабатывает у некоторых существительных устойчивые ад"ективные признаки. Вопрос о переходности слов из одной части речи в другую тесно связан с проблемой классификации именных частей речи в монгольских языках.

По этому вопросу, а также о частях речи вообще, в монголистике имеется ряд работ, в которых высказываются разные мнения. Самым спорным являются зависимые компоненты в сочетаниях типа модн гер, тэвр хаалһ и др. В таких сочетаниях зависимые существительные типа модн, тэвр (дерево, железо) в своей неизменяемой основе при условии препозитивного сочетания с другими существительными могут выполнять функцию определения, например: модн гер (деревянный дом, букв. дерево дом), тэвр хаалһ (железная дорога, букв. железо дорога).

Рассматриваемые слова в предложении находятся перед определяемым словом, а за определяемым словом они, как правило, тоже утрачивают значения признака и выступают как существительные, вследствие чего определительное словосочетание распадается и утрачивает свой смысл. Что касается существительных, то они в предложении абсолютно свободны. Слова типа модн, то есть неодушевленные существительные, сохраняют значения признаков в постпозиции в том случае, если следует за определяемым словом притяжательная частица =нь, но при этом они принимают функцию сказуемого: например: уснь алтн (волосы его золотые), гернь чолун (дом его каменный) и т.п.

Таким образом, именительный падеж имен существительных, функционирующий в качестве определения, может выполнять различные

стилистические функции. Например, материал, послуживший для изготовления определяемого предмета. Они также показывают признак, заложенный не в самом определяемом, а вытекающий из отношения к другому предмету.

Существительные в совместном падеже иногда переходят в разряд прилагательных. Здесь необходимо отметить, что в калмыцком языке формой совместного падежа является -та, а не -тай, как в бурятском и халха-монгольском языках.

В калмыцком языке слова с суффиксом -та сильно приближаются к прилагательным. Многие из них полностью ад^ективированы и перешли в разряд прилагательных. Среди существительных с суффиксом -та имеется несколько типов, которые различаются по степени близости к категории прилагательных. Имеются существительные, которые окончательно перешли в прилагательные. К ним относятся: ухата (умный), уурта (сердитый), чиддта (сильный), эвтэ (ловкий, удобный), чиктэ (сырой, мокрый), оралдата (спутанный), зуткэтэ (спорный), дэчтэ (сорокалетний), авта (соблазнительный), инадтэ (смешной), тачалта (склонный), тооста (пыльный), сурхультэ (образованный), нэргтэ (неразумный), нээлвртэ (надежный), дурта (любимый), күчтэ (доблестный), хурта (дождливый), авлһта (губительный), мокта (глинистый), бурута (виновный), чолута (каменистый) и др.

Перечисленные и подобные им слова с суффиксом -та, как и прилагательные, не определяются каким-либо словом, за исключением усилительных и оценочных слов наречного характера.

В калмыцком языке ад^ективация наблюдается в словосочетаниях, где составляющими его компонентами являются существительные и прилагательные или же прилагательные и существительные в совместном падеже. Иллюстрацией к этому могут быть следующие примеры: алти шар нарн (золотисто-желтое солнце), цаһан-мөнгн үгүн (серебристая туча), үмси көк зүстэ мөрн (лошадь пепельно-синего цвета), сээхн алти гөрл (красивый золотистый цвет), торһн хар альчур (шелковый черный платок).

Приведенные показывают общую картину использования ад^ективированных форм в каждом из рассматриваемых стилей. Таким образом, частота употребления падежных формантов при ад^ективации выступает в качестве одного из дифференцирующих данные стили признаков. (К-1, 1967, с. 93-104).

Количественные числительные широко используются в определенных контекстных условиях со стилистическими целями.

По данным нашего анализа, имена числительные в публицистическом, разговорном и художественном (прозаическом) стилях встречаются чаще, чем в официально-деловом, прозаическом жанрах. Но более всего они используются в научном стиле.

Количественные числительные обозначают названия отвлеченных чисел, количество предметов. Некоторые количественные числительные, помимо того, что выражают понятие отвлеченного числа и количество предметов при их счете, передают и другие значения. Так числительное негн > нег (один) нередко в разговорном стиле употребляются в значении:

1) количественного определителя: нег чиннур хуйр (один вес муки), нег мишг хуйр (один мешок муки),

2) полный, полно: Хашаһар негн хөөнэ толһа хар (заг.) - Полна кошара овец и все черноголовые - (спички). Аһар негн махн - Полная чаша мяса;

3) разделительного союза (в форме дательного-местного падежа): Каб=б, каб=б, -гилдэ цоксн эс урдк кевтэн негт ниилд, негт салж соңсгдна (Жамбин Ан.) - Звуки удара, как и прежде, слышались то слитно, то вразнобой.

Субстантивированные числительные в фольклорном жанре могут принимать аффиксы падежей и числа, а также притяжательные и предикативные частицы и выступать в качестве различных членов предложения. В функции подлежащего количественные числительные часто принимают лично-притяжательную частицу, утрачивая при этом конечный -н, например: Негн тохан чигэ тарха болад, негн ик хар бек болад зогсв (Жаңыр) - Один из них предстал шелудивым карликом с локоток, другой - большим черным великаном.

В научном стиле в качестве дополнения количественные числительные употребляются в форме косвенных падежей: Хөриг хойрт хувахларвн - Двадцать разделить на два будет десять.

В разговорной речи количественное числительное в усеченной форме в качестве обстоятельства принимает форму орудного падежа: Бийдэн костюмин эд метринь арвар авув - Купил себе материал на костюм по десять за метр.

Варианты многозначных количественных числительных калмыцкого языка тумн, (10.000), бум (100.000), сай (1 000.000), жува (10.000.000), дуншур (100 000.000), тербум (1 000 000 000) чаще встречаются в художественном, особенно в поэтическом стилях и в классических сочинениях, а варианты (тысячные), а также заимствованные

из европейских языков числа типа арвн миңн (десять тысяч), зун миңн (сто тысяч) чаще встречаются в официально-деловой, публицистическом и научном стилях.

В калмыцком языке бытует классическая традиция употребления количественных числительных в гиперболических функциях. Преувеличение количества – есть специфический прием художественной гиперболы.

Ирген Йирн Йисн жилэ юмиг	За сто без году прошедших лет
Тууж келдг,	Рассказывающий дела,
Ирэд уга Йирн Йисн жилэ юмиг	На сто без году грядущих лет
Тааж меддг	Предсказывающий дела,-
Байн Куңкэн Алтн Цеежнь	Молвил Алтан Цеджи – мудрец:
Куңкнж келж бээнэ.	

(*Жаңыр*)

(Эпос "Джангар")

Неопределенные (приблизительные) числительные. Приблизительное название числа предметов и животных – это национальная традиция, обусловленная специфическим образом жизни, своеобразием мышления и религиозными обычаями калмыков. Испокон веков калмыки избегали называть конкретное количество во многих случаях. Имеется два способа образования неопределенных числительных – морфологический и синтаксический:

1) путем присоединения к количественным числительным типа арвн (десять), хөрн (двадцать), зун (сто), миңн (тысяча) окончания -ад. Они образуют межстилевые формы неопределенных числительных, указывающие на недостаточность до соответствующего предела: арвад жил (почти десять лет), хөрэд хонг (почти двадцать суток);

2) синтаксический способ имеет несколько форм:

а) неопределенное числительное образуется с помощью послелогов: нару (свыше), үлү (более), шаху (около), эрги (около). Послелог нару, үлү, шаху, эрги встречаются после круглых числительных типа арвн (десять), зун (сто), миңн (тысяча), например: арв нар (более десяти);

б) неопределенное числительное, образованное путем примыкания следующих друг за другом числительных, указывает на более точное количество. Такая форма чаще употребляется как в художественном, так и в разговорном стилях: Хаша дотрас дөрвн зун- тавн зун хөн нарв. (Из загона вышли четыреста-пятьсот овец.)

Такой способ характерен для любого вида числительных. Приведенный краткий обзор свидетельствует о том, что числительные также обладают значительными стилистическими возможностями.

Местоимения – интереснейшая часть речи. Она предоставляет богатые возможности для обобщений и абстрагирования. Местоимения в определенном контексте способны окрашиваться экспрессивно и эмоционально.

Местоимение та (вы), употребленное в обращении к отдельному лицу, в современном калмыцком языке является формой вежливости, а местоимение чи (ты) служит показателем близости, интимности. Эмоциональные оттенки при обращении на чи (ты) или на та (вы) часто определяются обстановкой. Чи (ты) может обозначать резкое неодобрение, когда употребляется в отношении человека, которому ранее говорилось та (вы).

Поэтому местоимения отличаются от других частей речи полифункциональностью как в стилистическом, так и в текстовом плане, так как они не только заменяют слова из других частей речи, но и выполняют связующую функцию. Указательные местоимения как сами по себе, так и в кооперации характеризуются весьма большой стилистической возможностью. Так, например, падежные формы ууна, тууна, энунд, тарунд или туунд, энунд, тарунд – имеют разговорный характер.

Личное местоимение отличается тем, что оно имеет ряд различных корней и синонимов. Маркированность, немаркированность его форм обладает весьма богатой стилистической дифференциацией. Например: форма бидн (мы) включает говорящего – бидн хурвн багшнр (мы втроем учителя), форма мана не включает говорящего – мана хурвн бичэч (наши три писателя).

Местоимение I-го лица множественного числа бидн (мы) образовалось из местоимения I-го лица единственного числа бид (я) плюс аффикса множественности =дн.

Местоимение 2-го лица единственного числа та (Вы) имеет значение уважительности. Но приняв аффикс множественности -дн, оно уже не содержит форму вежливости, а обозначает только количественный состав.

К личным местоимениям I-го и 2-го лица обоих чисел в их предикативном употреблении присоединяются лично-предикативные частицы, например: бид (это я), чич (это ты), тат (таднт) (это вы), бидн-

видн (это мы).

Указанные местоимения, употребляясь в качестве названия предметов, могут стать субстантивами. В предложении они самостоятельно выступают в роли таких членов, как подлежащее, дополнение, обстоятельство и др. и могут принимать различные падежные и притяжательные формы: Амбарт бээсн буудя цевругдхэр бээхлэ, теругэн келэд тэвчк. (Б.А.) — (Если хочешь, чтоб мы веяли зерно в амбаре, скажи об этом ему и отпусти). Тертн үнн. Би ардан гөмтэ экэн хайчкад харлав. (Это правда. Я оставила дома больную мать). Ср. Тедниг харч одхла, маднд ус буслж өгэд көвтулчилэт (Э.К.) — (Когда они вышли, вы нам вскипятили воду и уложили в постель).

Местоимение множественного числа эдн (эти) может употребляться также при перечислении лиц в значении "и другие", например: Халь-мг трэстин зааач Пушкинский, тосхлтын управленэ ахлач Свинарэв эдн ирхэв. (Б.А.) — (Приехали управляющий Калмыцким трестом Пушкинский, начальник строительного управления Свинарэв и другие.) Үүдн хоорнд Босха үзгдв, цаад бийднь Арлтан, Хаалһ, Эрднь эдн. (В дверях показалась Босха, за ней — Арлтан, Халга, Эрдни и другие.)

Пространственно=указательные местоимения энд, төнд, энүнд и үүнд, терүнд и түүнд в предложении выполняют функции обстоятельства.

Пространственно=указательные местоимения не склоняются, так как они уже являются формой дательно=местного падежа от омертвевших корневых основ.

Количественно=указательные местоимения эду (вот столько), теду (вон столько) употребляются для указательного обозначения количества, величины, важности предметов, явлений, процессов. Эти местоимения обладают всеми особенностями числительных. Они могут обозначать как количество, так и порядок при счете эду, теду (столько), эдүдгч, тедүдгч (такой по счету), принимать форму соединительных эдулн, тедулн (в этом или в таком составе) и разделительных эдүнэд, тедүнэд (по столько) числительных, могут сочетаться с послелогоми приблизительного счета шаху (почти, около), һар (более, за), эду шаху (почти столько), тедү һар (более чем), передавать понятие неопределенного количества (эду и тедү), принимать после себя нумеративы и нумеративные слова.

Как видим, стилистическая роль местоимений очень велика и раз-

нообразна, что зависит как от своеобразия семантики местоимений, так и от частоты их употребления.

Калмыцкий глагол, со всем многообразием его лексических ресурсов, с разительной экспрессивностью отдельных форм, представляет собой богатейший материал для стилистики.

Кратко остановимся на стилистических функциях деепричастий, так как они относительно мало изучены в этом плане.

Соединительное деепричастие обозначает действие, которое тесно связано с основным действием. Оно выражает сопутствующее побочное действие, поясняющее основное действие. Время деепричастного действия определяется формой основного глагола или словами с семантикой времени: Гертэсн өцкдүр һарад, эндр танаһур ирүв. - Вчера вышел из дома, сегодня пришел к вам.

Соединительное деепричастие по своему значению стилистически выполняет целый ряд функций.

Поясняя, каким образом совершается действие, оно выражает обстоятельное действие: Шуутж наадсн шовуд үргж шулуһар тарж нисв (Шумно галдевшие птицы, испугавшись, быстро разлетелись. Букв. рассыпаясь улетели). Мана эдл-аху балһснас шин маши хулдж авч ирв. (Наше хозяйство приобрело в городе новую машину. Букв. - купив, привез). В этих примерах соединительные деепричастия выступают в роли обстоятельств, кроме того, показывают, что они во времени могут сопутствовать или предшествовать основным действиям, выраженным глаголами.

Когда же действие соединительного деепричастия протекает параллельно с основным действием, оно выступает в роли сказуемого слитного предложения, так как лишь сопутствует основным действиям, но не указывает на способ или образ их совершения: Ноһан залар герлж наадад дольгарж мелмлэнэ. (Трава, пламенем сёркая, играя, колыхаясь, волнуется). В данном случае соединительные деепричастия обозначают действия одновременные и почти равнозначные с действием, выраженным конечным спрягаемым глаголом.

В рамках одного и того же времени оба действия, и сопутствующее, и основное совершаются одним суб"ектом действия и протекают в отношении к подлежащему или одновременно, или последовательно. Тедн бэрсн диилврэн батлж, техникэн сээнэр олзлж, аца зөөлһнэ кемжэг икдүлжин эв-арһ хээжэнэ. (Закрепляя достигнутые успехи, они ищут способы лучшего использования техники и повышения об"ема перевозок).

В сочетании со служебными глаголами соединительное деепричастие образует сложную глагольную форму, основное содержание которой заключено в деепричастии: орж ирв (вошел, букв. войдя пришел), унж ирв (упал, букв. падая, пришел), булаж авх (отнять, букв. отобрав, взять), гууж одв (убежал, букв. убегая, ушел).

Встречается удвоенная форма соединительного деепричастия, образованная от одного и того же глагола, которая передает значение продолжительности и многократности действия: келж-келж муурв (говорил-говорил, устал), хэлэж-хэлэж нарад йовв (посмотрел-посмотрел и пошел).

Наряду с формами удвоенными встречаются и парные формы соединительных деепричастий, образованные от разнородных глагольных основ, например: есч-босч (вырастая, букв. растя-поднимаясь), таньж-узж (узнавая, букв. знакомясь-видя), тохньж-тевкнж (успокоясь).

Соединительное деепричастие является наиболее употребительной глагольной формой.

Слитное деепричастие обозначает дополнительное действие, одновременно протекающее с действием основного глагола и теснейшим образом связанное с последним, оно вместе с основным глаголом образует единое, как бы неразрывно слитное понятие.

Слитное деепричастие, непосредственно предшествуя другой глагольной форме, нередко уточняет и поясняет при каких обстоятельствах совершается основное действие: "Үүнэс иим үг соңсхин ормд хадрнав" - гиж келд босв, (Чем слышать от него такие слова, растерзан" - сказав, вскочил.) "Ханжанап, ханжанап, иткенднй, йир икар ханжанап", - болж Алексеев инэмсклн келв. ("Спасибо, спасибо за доверие, большое спасибо", - улыбаясь, сказал Алексеев.)

Сочетания слитного деепричастия с глаголами бэ- (быть) или йов- (идти) в форме соединительного деепричастия вносит значение одновременности, оттенок продолжительности: Нурһинь илн бээж келв. (Спину поглаживая сказал). Ишкрн йовж, кошар өргв. (Насвистывая, обошел кошару).

Слитное деепричастие также имеет значение действия по окончании которого мгновенно, тотчас, непосредственно начинается другое действие, выраженное основным сказуемым. В данном случае слитное деепричастие выступает в предложении в роли сказуемого деепричастного оборота: Хотан ун орндан орв. (Как поел, так сразу лег в постель).

Повторение одной и той же основы слитного и соединительного деепричастий вносит в сочетание значение длительно протекающего во

времени действия, например: сун-сууж (продолжая сидеть), кевти-вевти (продолжая лежать), йови-йовж (продолжая идти; на ходу). В этом случае действие основного глагола совершается на фоне действия деепричастия, выраженного данным сочетанием.

В форме слитного деепричастия могут сочетаться и разные основы: хахн-цахн (даваясь, букв. даваясь, захлебываясь), унти-кевти уга (не отдыхая, букв. не спавши-не лежавши), уульн-унжн (рыдая, букв. плача вися).

Имеются немногочисленные случаи утраты данной формой деепричастия глагольных свойств и перехода ее в наречие: дахлн (следом), селн (попеременно) и т.д.

Слитное деепричастие в калмыцком языке имеет более ограниченную сферу употребления, нежели соединительные и разделительные деепричастия.

Если в предложении несколько разделительных деепричастий, то их действия могут протекать или одновременно, или последовательно друг за другом, но также могут предшествовать действию, следующему за ними: Госпиталяс нарад, нег сар амрчкад, Хальмыг танчиннь хоти балхсн Элстур ирүв. (Выйдя из госпиталя и месяц отдохнув, приехал в столицу (калмыцкой республики - Элисту). Бата үкс босад, утар татад эвшәд, хойр хариннь нурнар нүдән арчад, герур орад, чирәһән уһав. (Бата быстро встав, потягиваясь зевнул, потеряв руками закрытые глаза, вошел в дом и стал умываться).

Последовательность и одновременность протекания действия разделительных деепричастий, следующих один за другим, но все-таки в общей сложности предшествующих действию основного глагола, определяется по контексту. Некоторые разделительные деепричастия обозначают параллельные действия одного и того же предмета и передают действия в какой-то степени законченные, поэтому по своему значению они близки к однородным сказуемым.

Со значением предшествующего действия связано значение следствия и причины, которое нередко выражается разделительными деепричастиями, выступающими в предложении в значении обстоятельства причины: җөгшрәд, авань гемтв. (Состарившись, дед заболел). Зәрмнь гемтәд унж, зәрмнь нүдн уга үлдцхәж. (Некоторые, заболев, свалились, некоторые без глаз остались).

Разделительные деепричастия обозначают при каких обстоятельствах совершаются основные действия и выступают в предложении обстоя-

тельством образа действия: Ока Оийнь өөрөн төвн кү авад удлв. (Ока остался сам, взяв пятьдесят человек).

Рассмотренные формы деепричастий (соединительных, слитных, разделительных) объединяются по значению, поэтому в языке, для которого характерно скопление подряд нескольких деепричастий, различия между их формами иногда стираются, и они часто произвольно употребляются одно вместо другого. Вспомогательные глаголы с этими деепричастиями пишутся отдельно, исключением является лишь вспомогательный глагол ба (быть), сливающийся с соединительным деепричастием, например: санж ба, унтж ба дает форму санжа, унтжа.

Итак, обстоятельственные деепричастия выражают действия, с которыми действия основного глагола находятся в определенных временных, причинно-следственных, условных, целевых связях.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что последние десятилетия явились периодом относительно интенсивного развития функциональной и практической стилистики калмыцкого языка, стилистической дифференциацией грамматических форм. В этот период, например, довольно четко определились суффиксы имен существительных и прилагательных калмыцкого языка, обслуживающие только отдельные функциональные стили или приобретающие специфические оттенки, накладывающиеся на основное значение слова и служащие для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию тон торжественности, фамильярности, ласкательности и т.д. Широко употребительны в стилистическом плане такие грамматические категории и формы калмыцкого языка, как окончания падежей и суффиксы множественного числа, деепричастных форм и формы степеней качества прилагательного. Данные грамматические формы, как правило, имеют синонимические варианты, отличающиеся друг от друга тонкими стилистическими оттенками, характеризуются широкой возможностью стилистических замен.

Можно утверждать, что части речи калмыцкого языка в стилистическом плане вполне дифференцировались. При этом имена (существительные числительные, прилагательные, местоимения) и деепричастные формы имели как общие, так и специфические функции.

ава 3. Функциональные стили калмыцкого литературного языка

Функциональным стилем называется исторически сложившаяся и социально осознанная система речевых средств, используемых в той или иной сфере человеческого общения.

В современном калмыцком литературном языке к настоящему времени сформировались следующие функциональные стили: 1) художественный, 2) публицистический, 3) учебно-педагогический и 4) разговорный.

Формирование указанных стилей в калмыцком литературном языке прежде всего обусловлено появлением развитой, многожанровой художественной, учебно - педагогической, газетно-информационной и научно - популярной литературы на родном языке. Степень развитости соответствующих общественных явлений обуславливает и степень развития того или иного стиля. В результате определенных социальных причин в калмыцком языке не сложился научный стиль. Также обстоит дело и с деловым стилем. Переходим к краткой характеристике функциональных стилей калмыцкого литературного языка.

Художественный стиль - это стиль художественной литературы, который определяется ее содержанием и основными целями - передать свое отношение к окружающему, к изображаемому, нарисовать словами картину, описать событие и т.п.

Основные стилевые черты литературно-художественного стиля: образность, эмоциональность; единство коммуникативной и эстетической функций.

Характерные особенности художественного стиля: широкое использование лексики и фразеологии других стилей; использование изобразительно-выразительных средств; проявление творческой индивидуальности автора (авторский стиль).

Первая особенность - это образность и конкретность языка художественного произведения. Образно-художественная речь является конструктивным элементом художественного стиля, отличающим его от других фун-

кциональных стилей. Язык писателя отличается от других форм языковой деятельности именно тем, что подчинен основной задаче — задаче создания образа. Образность речи предполагает ее картинность, наглядность.

Образность и эмоциональность языка художественного произведения в сочетании с глубоким содержанием составляет художественность произведения. Таким образом, язык произведений художественной литературы выполняет не только коммуникативную функцию, но обладает также еще и эстетической функцией. В других функциональных стилях эстетическая функция не играет такой большой роли. Так, стилям учебной литературы или бытового общения присуща коммуникативная функция, ибо перед ним ставятся, главным образом, информационные цели, тогда как язык художественных произведений характеризуется идейно-эстетической установкой.

В связи с таким сложным об*емом функций в художественном стиле наиболее широко представлен общенародный, национальный язык и в его устной и письменной разновидности, в его социально-речевых и территориальных диалектах, в его функциональных стилях. Специфику художественного стиля составляет синтез в нем книжных и разговорных элементов языка. Такого широкого синтеза не знает ни один другой стиль литературного языка. Наличие разговорных элементов в художественном повествовании делает его очень эмоциональным. Благодаря этому данный стиль наиболее близок к разговорному языку. Но не совпадает с ним. Нельзя квалифицировать его и как чисто книжный стиль. Таким образом разговорность составляет одну из главных примет этого стиля.

В художественном стиле используется множество слов с предметно-конкретным, вещественным значением, которые способствуют созданию зримых, осязаемых, ярко индивидуализированных картин живой действительности. В то же время в нем широко используется множество слов с предметно-конкретным значением и весь об*ем значений слов, особенно : переносное их употребление. С этим связано наличие в нем специальных изобразительно-выразительных средств — троп и стилистических фигур.

В отличие от других стилей художественный стиль отличается максимально творческим использованием ресурсов языка. Слова, обороты, предложения, интонации, выражающие образ, а иногда целые произведения в этом стиле характеризуются многоплановостью и многомерностью.

Таким образом, в художественном стиле не только лексические, но другие языковые средства существуют не сами по себе, а часто в сис

еме целого. Если, например, возьмем заглавие романа К.Эрендженова "Палан хадл" (Береги огонь), то без ознакомления со всем содержанием романа, мы не сможем полностью уяснить смысл этого заглавия - в нем нет законченности. Заглавие данного романа приобретает глубокий смысл, отличный от буквального значения словосочетания палан хадл (береги огонь), лишь в контексте всего произведения.

В отличие от других функциональных стилей язык художественных произведений имеет внешние различия (ритмичность, рифмовка, аллитерированность и т.д.). Имеется три типа организации языка художественного произведения: прозаический, драматический и стихотворный. Каждый тип имеет видоые ответвления. Из этих типов ближе всех к народно-разговорной речи язык драматургии.

Отличительной чертой языка художественного произведения является его деление на авторскую речь и речь персонажей. В некоторых произведениях различаются "голоса" автора, повествователя (если рассказ ведется от лица одного из героев) и персонажей.

Авторская речь представляет собой активное начало в произведении. В ней обнаруживаются основной тон повествования, оценка персонажей и событий. Автор в прямых своих высказываниях может не выражать своих одиных мыслей и чувств, но оттенки слов и интонаций, характер описания того или иного явления выдают его настоящие чувства, его настоящее отношение. Из повествования постепенно вырисовывается лицо автора, его мировоззрение, его характер и темперамент. Авторская речь - речь нормированная. У выдающихся писателей она представляет собой высшее достижение литературного языка.

Каждое действующее в произведении лицо должно говорить своим языком, соответствующим его характеру, взглядам, положению в обществе, культурному уровню, профессии, жизненным идеалам. Важно, чтобы речь персонажа опиралась на социально-речевые стили языка, которые присущи различным социальным прослойкам и группам общества.

Речь персонажа передает особый стиль духовной жизни человека. В соответствии со своими индивидуальными особенностями каждый персонаж говорит по-своему. Поэтому речи персонажей представляют собой как бы миниатюрные индивидуальные стили.

Для стилистического анализа важно не столько то, что говорит герой о себе, а то, как он говорит, какова экспрессивно-оценочная сторона его речи. Невольно в оттенках значений слов, в интонациях, репликах автор речи раскрывается полнее, чем в содержании своих высказываний.

Речи персонажей также объемны многослойны. Часто смысл произнесенных вслух слов дополняется улыбкой, взглядом, жестами и т.д. Все это помогает представить подлинные мысли и намерения человека в их противоречивом единстве.

Речь героя раскрывает, характеризует его. Доминирующие в речах персонажей отдельные черты, мотивы могут служить существенной характеристикой общего склада личности, их характеров. Склад личности бывает бодрым, оптимистическим, жизнерадостным или пессимистическим. Если, например, в речи персонажа преобладают мотивы жалобы, опасения то это говорит о слабости натуры, о трудностях его жизни. Наоборот, если мысли персонажа высказываются прямо, обороты его смелые, выразительные, то это может свидетельствовать о сильном характере, благородстве.

Внутри художественного стиля различаются индивидуальные стили отдельных писателей и поэтов.

Основная масса слов, употребляемых в произведениях писателей, является общей, единой. Однако на этом фоне можно обнаружить пристрастие писателей к тем или иным разрядам словарного состава, отличие и в количественном составе слов и выражений. Так, например, стилю С.К.Калыева присуще необычайное богатство лексики. Он наиболее полно сумел использовать в своих произведениях сокровища народно-разговорной речи, образные выражения и обороты устного народного творчества освященные многовековой традицией книжные старокалмыцкие слова и устойчивые словосочетания, архаизмы и историзмы, редкоупотребительные слова, неологизмы и кальки общественно-публицистического стиля. Основу авторской речи писателя составляют общеупотребительные слова, унаследованные от старокалмыцкого языка. При этом автор максимально продуктивно использует парное и синтаксическое словообразование, благодаря чему существенно возрастает используемый им лексикон: көөрк теңгирин баэдл (состояние погоды в степи), хур цасн хойр базлж орлн (идет то дождь, то снег), халун кийти хойр (жара и холод), ик бички уга (и стар, и млад), эн болсн йовдл (этот случай), чикнэ хужрин таалмж (услуга для слуха), мана кууңдсн юмн (предмет нашей беседы). В языке произведений Санджи Калыева обильно представлена богатая и тематически разнообразная народная фразеология, которая интенсивно пополняется писателем новыми выражениями и оборотами, с данными на основе имеющихся моделей: авшг авх (принять обет), алтн жола эргүлж ирх (благополучно вернуться), амн усн (чистая вода),

бэасэри байн, суусари өнр (чем богаты, тем и рады), буурт хань болшго, буданд хать болшго (пустой, бесполезный, ненадежный человек) соһа уга һазрт соһан үзүлх (без нужды показывать силу), тарг экнь тарад, тави ухань гедрх (от страха лишиться чувств и рассудка), һуян һанһилад хэрж ирх (вернуться ни с чем).

Творчество С.Калыева неразрывно связано с устным народным творчеством. В калмыцком народном эпосе "Джангар" повествуется о героях, которые превосходят по масштабу своих деяний обыкновенных людей. В соответствии с этим в эпических произведениях использовался особый возвышенный язык, отличный от языка повседневного общения. Поэтому и стиль этих произведений был романтически приподнятым. Эту особенность стиля фольклорных произведений воспринял и развил до высот реализма С.Калыев. Особенно ярко это видно на обработанных им эпических творениях калмыков. Это и "Кемэлһи" (состяжание в красноречии), и "72 худл" (Семьдесят две небылицы), и поэмы на исторические мотивы.

Отдельные черты стиля, многие из которых здесь не описаны, в совокупности образуют целостную систему индивидуального стиля писателя. Перед калмыцкими языковедами и литературоведами стоит задача — монографически описать индивидуальные стили ведущих калмыцких писателей, поэтов и драматургов.

Итак, художественная речь отличается эмоциональностью и особой экспрессивностью, что проявляется в широком употреблении наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц всех уровней языковой системы.

Особенно богатые возможности экспрессии заключаются в привлечении различных средств синтаксиса. Это выражается в использовании всех возможных типов предложений, в том числе односоставных, отличающихся разнообразными стилистическими окрасками.

Публицистический стиль — это стиль общественно-политической литературы, периодической печати, ораторской речи и т.д., который определяется содержанием текстов и основными целями — воздействовать на массы, призывать их к действию, сообщать информацию и т.п.

Основные стилевые черты публицистического стиля: лаконичность изложения при информативной насыщенности, доходчивость изложения, эмоциональность, обобщенность, а часто непринужденность высказывания.

Характерные особенности публицистического стиля: общественно-политическая лексика и фразеология, использование речевых штампов,

употребление коротких предложений - рубленая проза, эллиптические предложения (безглагольные фразы), совмещение черт публицистического стиля с чертами других стилей, использование образительно-выразительных средств языка (риторические вопросы, повторы, инверсия и др.).

В настоящее время в развитии калмыцкого литературного языка ведущую роль играет художественная литература. Именно в произведениях зачинателей калмыцкой литературы Н.Манджиева, С.Каляева, А.Сусеева, а также других писателей и поэтов были установлены новые, современные нормы калмыцкого литературного языка. Вместе с тем эти писатели своими публицистическими статьями, очерками, фельетонами заложили основы и для интенсивного развития газетно-публицистического стиля.

Как известно, цель публицистических, общественных выступлений - это воодушевлять, вдохновлять людей на напряженный труд во имя процветания родины и торжества мира, вскрывать недостатки в общественном производстве, общественной жизни, утверждать и пропагандировать новые явления. Поэтому статьи, заметки и другие формы выражения публицистического стиля носят наступательный характер.. Отсюда яркость, эмоциональность этих выступлений. Этим качеством публицистический стиль отличается от стиля учебной литературы, который характеризуется нейтральным языковым выражением. В то же время общественно-публицистическому стилю присущи стройность, последовательность и логичность изложения.

Примерами публицистического стиля являются переведенные на калмыцкий язык труды и статьи классиков марксизма, речи и выступления руководителей государства, деятелей науки и культуры.

Помимо этих официальных материалов основным источником публицистического стиля являются газеты и журналы. К газетным и журнальным жанрам относятся: заметка, информация, отчеты и сообщения, репортаж, зарисовка, корреспонденция, статья, очерк, фельетон.

Содержанием заметки служит какой-либо отдельный факт или событие замеченные пишущим. В заметке отсутствует подробный разбор, анализ. По своему содержанию и форме заметки делятся на следующие виды: заметка-информация, заметка-отклик, критическая заметка, сатирическая заметка и заметка полемическая. Заметки по поднимаемым в них темам можно подразделить на производственные, заметки на бытовую и культурную и т.д.

Например, в номере газеты "Хальмг үнн" за 28 ноября 1995 года

опубликована следующая заметка под заглавием "Байрин сүүр болн конференц":

Шидр Элст балһснд КГУ-н 5-гч тойгта корпусин сүүрин залд мана таңһчин турун профессор кууқд күн, педагогическ номин доктор О.Д.Мукаеван 70 жилин өөнд нерэдгдсн университетин номтирин өргн сүүр болв. Энүнд мана таңһчин хардвр, района элчнр, номтир, багшнр, оютир орлцв.

Оцир Джогаевнаг харсн өдрләнһ йөрэхэр олн эмтн ирв. Тедн дунд хальмг улсин нөртә шулгч Д.Н.Кугультинов, Хальмг таңһчин Государственн селвгч В.Н.Илюмжинов, Правительствин толһачин дарук Г.Н.Орлова болн нань чигн эмтн. Эдн цугтан мана күндтә номтыг цаһан седкласн йөрөж, белгүдан бөрүлж өгв. (В Элисте, в 5 корпусе КГУ, состоялось торжественное заседание, посвященное 70-летию первой женщины-профессора О.Д.Мукаевой. В расширенном заседании ученого совета КГУ приняли участие руководители республики, представители из районов, преподаватели, ученые и студенты.)

Обиляра поздравили и преподнесли подарки народный поэт Калмыкии Д.Н.Кугультинов, Государственный советник Калмыкии В.Н.Илюмжинов, зам. Председателя Правительства Г.Н.Орлова и многие другие. В честь юбиляра было сказано много теплых слов и пожеланий.)

Здесь сообщается лишь факт, поэтому и применяемые речевые средства нейтральны, высказываемые мысли расположены последовательно, логически, предложение в целом отличается ясностью структуры.

Таким образом, языку заметок в целом присущи немногословность, краткость. В них не бывает рассуждений и об"яснений. Избегаются длинные, сложные предложения. И поэтому краткость языка усиливает выразительность.

Основным газетным и журнальным жанром является статья. В ней на основе изучения конкретного жизненного материала делаются обобщения фактов. Статьи подразделяются на следующие виды: 1) директивные, руководящие статьи государственных деятелей; 2) пропагандистские статьи, раз"ясняющие политику государства; 3) проблемные, в которых поднимаются вопросы, еще не решенные задачи в различных областях производства и культурной жизни.

В последние годы язык статей газеты "Хальмг үнн" намного улучшился. Постепенно он освобождается от громоздких малопонятных, полукалькированных выражений и оборотов. Особенно это касается передовых статей, авторы которых повышают эмоциональный настрой своих статей, используя выразительные средства речи.

Стиль репортажа в известном смысле противоположен стилю передовой, однако и ему присущи общие черты газетной речи. Хотя репортаж в некоторых отношениях сближается с художественным повествованием, тем не менее он сохраняет все главнейшие стилевые черты публицистики. Ему в отличие от передовицы, свойственно изложение от первого лица, а в отличие от речи художественной - более "открытое" присутствие автора в повествовании, что представляет собой проявление публицистичности.

Публицистичность репортажа проявляется и в яркой и открытой оценочности, и в реализации категории собирательности. Собирательность здесь представлена слабее, чем в передовой, но значительно шире, чем в художественной речи. Свойственна репортажу и терминологичность (в разной степени - в зависимости от темы).

Таким образом, стиль этого жанра, имеющий некоторые отличия от стиля передовой, в то же время обладает существенными отличиями от стиля художественного, кое-что заимствуя от него.

Таковы в общих чертах основные особенности газетного стиля репортажа.

Публицистический стиль калмыцкого языка, сформировавшийся под большим влиянием русского языка, характеризуется наличием и употреблением большого количества именных словосочетаний по сравнению с разговорным языком и языком художественных произведений. При этом в таких сочетаниях в качестве управляющего слова обычно выступают оригинальные и заимствованные слова имен существительных, а также отглагольные существительные, образованные посредством суффиксов -л, -лт, -лн и др.

В русском языке самые разнообразные отношения выражаются словосочетаниями, состоящими из глагола и падежных форм имен существительных с предлогами. Под влиянием таких сочетаний в калмыцком литературном языке, особенно в публицистическом и научно-популярном стилях, активизировались словосочетания, состоящие из глаголов и существительных с послелогоми. К ним относятся словосочетания с послелогом тедэ - для, ради (выражает целевые и об"ектные отношения); болв - против (об"ектные отношения); учр, тиим болсар - ввиду, вследствие, по случаю (причинные отношения) и др.

В публицистическом стиле более четкой стала система выражения различных отношений внутри сложных предложений, активизировались некоторые виды придаточных предложений. В этом плане прежде всего обращает внимание закрепление за некоторыми словами функции связи

компонентов сложных предложений.

Под влиянием русского языка сложносочиненные предложения в калмыцком языке стали более четко выражать разнообразные отношения - соединительные, сопоставительные, разделительные и т.д.

В газетно-публицистическом стиле широко употребляются сложносочиненные предложения со значением следствия (сочью тиигэд, тиигсэр, тиим болсар, тиигхин төлэ): Эн зун хур-чиг элвг болв, тиигэд урһц сән болх. (В этом году лето было дождливое, поэтому урожай будет хорошим).

Таковы в общих чертах особенности публицистического стиля.

Научно-учебный стиль - это стиль научных статей, докладов, монографий, учебников и т.д., который определяется их содержанием и целями - по возможности точно и полно об"яснить факты окружающей нас действительности, показать причинно-следственные связи между явлениями, выявить закономерности исторического развития, сообщить информацию и т.д.

В калмыцком литературном языке собственно научного стиля нет, поскольку научная работа, большей частью, ведется на русском языке. Но к языку научных работ приближается язык учебников по математике и язык учебников по калмыцкому языку и литературе, а также методические работы. В них так же как и в научных работах, используются специальные термины, логические определения. Задача данного стиля - систематическое изложение элементарных основ научных знаний по той или иной отрасли в школьных учебниках. Поэтому основную форму изложения здесь представляют определения, рассуждения, доказательства.

Основные стилевые черты: логическая последовательность изложения; однозначность, точность, сжатость при информативной насыщенности содержания; конкретность, бесстрастность, об"ективность высказывания.

Характерные особенности научно-учебного стиля: насыщенность терминами, которые составляют 15-20 процентов всей лексики; научная фразеология: һо булц (прямой угол), зөрүцлһнэ цег (точка пересечения) наличие сложных предложений.

В научно-учебном стиле термины, являясь абстрактными существительными, функционируют во всех падежных формах и в роли всех членов предложений.

Еще одной особенностью терминов учебной литературы по сравнению с общественно-политическими является их ограниченность рамками учебников и пособий для школ. А общественно-политические термины имеют более широкое распространение благодаря газетам, радио, телевидению,

а также художественной литературе.

В учебно-научном стиле особую продуктивность проявляют суффиксы, образующие слова с абстрактным значением и специальные термины (суффиксы -л, -лт, -лн и др.). Особенно многочисленны отглагольные имена, представляющие действие как процесс (немлт - прибавление, хаслн - отнимание, узгл - букварь и др.). Слова с этими суффиксами, являясь принадлежностью письменной речи, придают книжный характер учебно-научному стилю.

В учебном стиле, например, продуктивен суффикс -лжн: гурвлжн - треугольник, дэрвлжн - прямоугольник,

Синтаксические конструкции в научно-учебном стиле тяготеют к стереотипности, зачастую принимают вид однотипных по конструкции форм. Характерную синтаксическую особенность составляет выражение сказуемых постоянными причастиями на -дг. Дн чигн пм халулхлэ - көөдг, киитрулхлэ - агчдг. (Все тела при нагревании расширяются, при охлаждении сжимаются).

В целом научно-учебной речи свойствен именный характер (по сравнению, например, с художественной, разговорно-бытовой, некоторыми жанрами публицистической). Это выражается и в общем преобладании имен (в частности, существительных) над глаголами, и в широкоупотребительном качественном значении глаголов, и в большом числе разного рода отглагольных оборотов и слов.

Для научно-учебного стиля характерно наличие именных падежных форм с целью экономного выражения максимума информации, стремление к неличной манере изложения, тяготение к предложениям с прямым порядком слов, информативно-повествовательный тон изложения.

Разговорный стиль противопоставлен книжным стилям, он один выполняет функцию общения.

Основные стилевые черты: экспрессивность, отсутствие предварительного обдумывания высказывания; эмоциональность, непринужденность, обобщенность.

Характерные особенности разговорного стиля: широкое употребление обиходно-бытовой лексики и фразеологии; использование внелексических средств (интонация, ударение, паузы, темп речи и т.п.); диалоговая форма высказывания, реже монолог; включение в речь частиц, междометий, вводных слов, обращений; преобладание простых предложений над сложными; лексические повторы, инверсии (обратный порядок слов).

Разговорный стиль калмыцкого языка опирается на дербетский и тс

гутский говоры калмыцкого языка, на письменные стили литературного языка и русский язык.

Разговорный стиль, в отличие от разговорного языка, соотносительнее с книжными стилями и проявляется в сценической речи, в речах персонажей прозаических художественных произведений, в литературной речи носителей диалектов.

Внутри разговорного стиля начинают оформляться жанровые ответвления в зависимости от возрастных различий, социального положения и профессии говорящих.

Разговорный стиль обладает огромными интонационно-эмоциональными возможностями. Интонация зависит от содержания речи и ее обстановки, от адресата и цели высказывания.

При характеристике разговорной речи по языковым уровням особенно выделяются такие языковые функциональные особенности, которые не свойственны другим стилям. Лишь диалогическая речь персонажей художественной прозы и драматургия близки разговорной речи, однако здесь проявляется стилизация и к тому же изменяется функция.

Перечислим наиболее характерные для разговорной речи языковые средства, создающие особенности ее стиля.

В лексике и фразеологии такими средствами являются следующие.

Широко используется разговорная лексика, в том числе бытового содержания, и лексика конкретная. С другой стороны, ограничен состав абстрактной лексики и книжных слов, а также терминологии и неизвестных слов иноязычного происхождения.

Происходит активизация фразеологически связанных значений. Синонимика богата, активна ситуативная синонимия, отличная от общезыковой.

Активно употребляются фразеологические единицы, особенно разговорно-сниженной стилевой окраски. Широко распространено обновление устойчивых словосочетаний, их переосмысление.

В области морфологии своеобразна частотность частей речи. В разговорной сфере нет обычного для языка преобладания существительного над глаголом.

Характерно для разговорной речи ослабление грамматического значения у местоимений, например: Тер тиим болхмн. (Так оно и есть) и использование их для усиления экспрессии.

Особенно характерен синтаксис разговорной речи. Именно здесь наиболее всего проявляется ее эмоциональность и экспрессивность. Это

выражается и в высокой частотности разных семантических оттенков инфинитивных и неполных предложений: На, болтха!; Кучга!; Дууһан ахрдтн! (Ну, полно!; Прекрасно!; Молчите!)

Лишь разговорной сфере свойственно употребление специальных слов и соответствующих предложений, выражающих согласие или несогласие: Тиим; Уга; Лавта (Да; Нет; Конечно).

Итак, разговорный стиль, обладая в большей степени, чем другие стили, своеобразием языковых средств, выходящих за пределы кодифицированного литературного языка, занимает особое место в системе современных функциональных стилей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование и развитие стилистической системы калмыцкого литературного языка показывает, что стилистическая дифференциация языка непосредственно обусловлена развитием его общественных функций. Функциональное развитие языка приводит к появлению в нем самостоятельных стилевых разновидностей – языка художественной литературы, языка публицистики, языка учебников, научно-методических работ и литературно-разговорного языка. Отдельные жанры литературы и творчество отдельных лиц порождают речевые стили – жанровые и индивидуальные.

Функциональные стили обусловлены экстралингвистической действительностью в общем плане. В них отбор языковых средств определяется главным образом спецификой того или иного вида творческого мышления. Например, обобщающий характер мыслительной деятельности в научном стиле требует употребления языковых средств с наиболее обобщенными значениями.

Постоянное употребление одних и тех же языковых средств с одними и теми же значениями в каком-то одном функциональном стиле накладывает определенный стилистический отпечаток на эти средства.

Стилистика не имеет своих языковых единиц. Она использует единицы всех уровней языка. Употребляясь в отдельных стилях, языковые средства получают определенную стилистическую окраску, причем в пределах функционального стиля эта окраска более постоянна, тогда как в пределах речевого стиля стилистическая окраска языковых средств не устойчива и переменчива. В речевом акте стилистическая функция языковых средств полностью осмысливается лишь по отношению к композиционно целому (произведение, жанр, индивидуальный стиль в цело

Стилистическая дифференциация калмыцкого языка явилась результатом многовековой речевой деятельности носителей языка. Начавшаяся в общемонгольский период функционально- и экспрессивно-стилистическая дифференциация языковых средств получила свое дальнейшее развитие в калмыцком народно-разговорном языке, в калмыцких летописях и других сочинениях калмыцких авторов.

Но только последние десятилетия в результате существенного расширения общественных функций письменного и разговорного калмыцкого языка процесс стилистической дифференциации языка получает свое наибольшее развитие. В настоящее время создан национальный калмыцкий литературный язык, в составе которого образовалось четыре крупных разновидности языка, или функциональных стили. Это художественный, публицистический, научно-учебный и литературно-разговорный стили. Выделение этих стилей опирается на стилистическую дифференциацию языковых средств в области лексики и фразеологии, и морфологии. Возникновение в течение сравнительно короткого промежутка времени стилистических позиций на всех уровнях языка объясняется расширением и стабилизацией основных общественных функций калмыцкого литературного языка, активным участием в его формировании различных языковых систем, обусловивших высокую степень синонимичности языковых средств, что является необходимым условием функционально-стилистической дифференциации языка. В становлении калмыцкого литературного языка, его стилистической системы приняли участие три самостоятельных языковых аспекта: калмыцкий разговорный язык, старокалмыцкий письменный язык и русский язык.

Все признаки речи, которыми различаются функциональные стили, обусловлены не только возможностями языковой системы, но и экстралингвистическими факторами. Изучение экстралингвистических факторов помогает вскрыть и объяснить закономерности функционирования языка, определить речевую системность стилей.

Приведенные в работе материалы свидетельствуют о богатстве стилистических вариантов в калмыцком литературном языке, о многообразии параллельных форм выражения сходных значений как внутри функциональных стилей, так и между ними.

С П И С О К

опубликованных работ по теме "Основы стилистики калмыцкого языка (система стилистических средств и функциональные стили)"

1. Об ад"активации имен существительных// Вестник НИИЯЛИ. № 2, часть 2. Элиста, 1967. С. 93-105
2. Морфологическая структура имен прилагательных// Учен. записки НИИЯЛИ. Вып. 7. Элиста, 1969. С. 155-186
3. Качественные прилагательные в калмыцком языке// Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Элиста, 1972. С. 24-25
4. Переход ад"активных имен в разряд субстантивов// Учен. записки НИИЯЛИ. Вып. 11. Элиста, 1973. С. 78-89
5. К вопросу об изучении категории рода в калмыцкой школе// Сб. "В помощь учителю русского языка калмыцкой школы". Элиста, 1975. С. 112-119
6. Ад"активные имена в монгольских языках// Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 57-65
7. Калмыцко-русский словарь (Буквы Ф, Х). М.: Русский язык, 1976. С. 558-620
8. Вопросы совершенствования методов обучения калмыцкому языку// Сб. "Коммунистическое воспитание уч-ся в процессе овладения основами наук". Элиста, 1979. С. 75-80
9. Современный калмыцкий язык. Имя прилагательное. Элиста: Калмыцк. изд-во, 1979. С. 100
10. Учебник калмыцкого языка. Морфология. 9-10 кл. Элиста: Калмыцк. изд-во, 1982. С. 105-165
11. Грамматика калмыцкого языка (Раздел "Имя прилагательное"). Элиста: Калмыцк. изд-во, 1983. С. 132-149
12. Ресурсы стилистики. Элиста: журнал "Төөгин гөрл", № 6, 1986. С. 101-107
13. Көл нээрүллн. Элиста: Калмыцк. изд-во, 1986. С. 192
14. О стилистике частей речи. Элиста: журнал "Төөгин гөрл", № 1, 1987. С. 98-104
15. "Песнь о трех мальчуганах". Переложение на современный литературный язык// Пособие. Элиста: журнал "Төөгин гөрл", № 4, 1990. С. 19-23
16. Көл өргүллнн дегтр// Учебное пособие. Элиста: Калмыцк. изд-во, 1994. - 232 с.
17. О терминах. (Краткий калмыцко-русский и русско-калмыцкий словарь). Элиста: Калмыцк. изд-во, 1994. С. 3-4.